

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
LI международной научно-практической конференции*

№ 7 (47)
Июль 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, редактор переводческой компании ООО «Аспект-Украина».

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, рецензент НП "СибАК".

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепрпетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шаяхметова Венера Рюзальевна — канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГГПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам LI междунар. науч.-практ. конф. № 7 (47). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 92 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление	
Секция 1. Социология	5
1.1. Социология коммуникаций	5
АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА» НА ОСНОВЕ МЕТОДОЛОГИИ ДЖ. Б. ТОМПСОНА Баженова Мария Витальевна Кулагина Ирина Владимировна	5
МЕХАНИЗМЫ ВНУТРИГРУППОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ Бедрик Андрей Владимирович	9
Секция 2. Философия	18
2.1. Социальная философия	18
«НОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ»: К ПРОБЛЕМЕ ТРАКТОВКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА Тургенева Ольга Юрьевна Калюжная Катерина Викторовна	18
2.2. История философии	28
АТРИБУТЫ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ЭСТЕТИКЕ Ф. ШЕЛЛИНГА Петрык Янина Юрьевна Сергеева Юлия Александровна	28
2.3. Онтология и теория познания	37
ОНТОЛОГИИ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ Гобрусенко Гелана Константиновна	37
Секция 3. История	45
3.1. История России	45
ПОЛЬСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В СРЕДЕ ТАМБОВСКОГО ДВОРЯНСТВА В КОНЦЕ XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА Шестаков Максим Валерьевич	45

3.2. Этнология	51
«ЗНАМЕНАЯ, ПОЧЕМ ПОЗНАВАТЬ В ЧЕРТЕЖЕ КАКИЕ МЕСТА» (К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ МОГИЛЫ ЕРМАКА) Белич Игорь Владимирович	51
3.3. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	69
СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ Зуева Нелли Сергеевна	69
КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1917 ГОДУ Нещеретов Иван Валерьевич	80

**СЕКЦИЯ 1.
СОЦИОЛОГИЯ**

1.1. СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

**АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА»
НА ОСНОВЕ МЕТОДОЛОГИИ ДЖ. Б. ТОМПСОНА**

Баженова Мария Витальевна

*студент специальности «Связи с общественностью»,
Сургутский государственный университет,
РФ, г. Сургут*

Кулагина Ирина Владимировна

*канд. филос. наук, доц. Сургутский государственный университет,
РФ, г. Сургут
E-mail: cogito@ngs.ru*

**AN ANALYSIS OF THE IDEOLOGY OF THE MAGAZINE
“VOKRUG SVETA” BASED ON THE METHODOLOGY
OF JOHN B. THOMPSON**

Maria Bazhenova

*student of the specialty "Public Relations", Surgut State University,
Russia, Surgut*

Irina Kulagina

*ph.D., Associate Professor, Surgut State University,
Russia, Surgut*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу идеологии журнала «Вокруг света» на основе методологии Джона Б. Томпсона. Произведено исследование конкретного образца периодического издания, его возможностей влияния на формирование образа мира у читателей и роли в формировании менталитета.

ABSTRACT

This article analyzes the ideology of the magazine “Vokrug Sveta” based on the methodology of John B. Thompson. The research was conducted on a specific sample of the periodical, its opportunities to influence the image of the world of the readers and the role of media in the formation of mentality.

Ключевые слова: идеология; Дж. Б. Томпсон; журнал «Вокруг Света».

Keywords: ideology; George. B. Thompson; the magazine “Vokrug Sveta”.

Актуальной проблемой современного общества является информационное воздействие на индивида. Уровни такого воздействия имеют различную природу и характер. Главной целью нашего исследования было произвести анализ идеологии периодического издания «Вокруг света», базируясь на методологическом подходе Дж. Б. Томпсона, с использованием контент-анализа, сравнительного и исторического подходов.

Журнал «Вокруг света» издаётся с 1861 года. За более чем вековую историю журнал менял свой тематический ракурс от географического, туристического к общепознавательному. «Вокруг света» традиционно публикует информацию о научных открытиях, знаменитостях, исторических и географических фактах, культурных особенностях развития человечества.

С 1861 г. и до настоящего времени журнал издавался практически ежемесячно. Однако абсолютно неизменным не остается ни внутреннее содержание, ни внешнее оформление. Логотип, верстка в одну колонку, стилистика текста, изображений, подбор типовых рубрик адресует читателя к популярным изданиям по географии конца XIX века. Тематические рубрики журнала: география, путешествия, история, военное дело, биология, медицина и др. сопровождаются ретушированными фотографиями и характерными рисунками, составляющими «лицо» журнала. Традиционно журнал избегает проявления интереса к светской жизни, процессам массового потребления,

мистике, непроверенным фактам и данным, выступает как популяризатор идеи культурного развития личности.

Как указывает Е.В. Комарова, ««ядро» целевой аудитории этого издания составляют россияне 35—50-ти лет с высшим образованием, относительно высоким уровнем достатка и активной жизненной позицией, в равной степени мужчины и женщины» [2, с. 12].

Используя методологию анализа идеологии Дж. Б. Томпсона [3], рассмотрим для примера конкретный номер журнала «Вокруг света» № 2892 [1]. На наш взгляд ход исследования идеологии печатного издания может предполагать два основных подхода: можно двигаться, отталкиваясь от контент-анализа имплицитных идеологических конструкций, реализуемых из номера в номер, либо используя для анализа примеры осуществления действий конкретных механизмов поддержания идеологии. В качестве основания для исследования идеологии Дж. Б. Томпсон предлагает тезис о том, что идеология является неотъемлемой частью любого текста культуры и осуществляет свое воздействие на сознание индивида с помощью специальных механизмов — легитимации, сокрытия, унификации, фрагментации и реификации. Для нашего исследования методом контент-анализа выделим основные тезисы, которые очерчивают особенности идеологии данного издания:

- современный российский читатель-путешественник является человеком с активной жизненной позицией;
- читатель журнала — это успешная и претендующая на высокий потребительский статус личность;
- читатель журнала обладает высоким уровнем культуры и духовно наполненный;
- основной характеристикой современного мира выступает широта, многообразие и познаваемость.

Теперь рассмотрим, как с помощью механизмов осуществления идеологии по Дж. Б. Томпсону данные тезисы достигают сознания читателей. Например, легитимация тезиса о широте и познаваемости мира производится при помощи иллюстрированных статистическими данными статей [1, с. 51], упоминания мнений экспертов [1, с. 55], приведения конкретных фактов и достоверных данных об особенностях научных экспериментов [1, с. 36]. Механизмы легитимации позволяют читателю убеждаться в научности и точности материала, создают ощущение «внутренности» аргументов, сознание читателя приобретает статус «первооткрывателя» мира.

Механизм сокрытия на наш взгляд наиболее выпукло реализован в отношении утверждения о многообразии мира. Сама обложка служит

приглашением во враждебный и опасный мир енотов, злых и враждебных, но таких милых с виду [1, с. 1]. Реальность мира представлена не только как привлекательная и интригующая, но и как имеющая скрытые и недоступные поверхностному наблюдению стороны, не всегда приятные и позитивные. Но непривлекательность этих сторон вуалируется яркими фотографиями и шутивными пояснениями, чтобы интерес читателя к миру путешествий не пропал под воздействием страха или отвращения.

Другой пример действия механизма сокрытия реализуется при раскрытии тезиса о том, что читатель является высококультурной личностью. Но, по сути, перед нами тот же человек со своими слабостями и пороками, например, стремлением к алкоголю [1, с. 6] или интересом к женщинам, занимающимся проституцией [1, с. 28]. Однако журнал демонстрирует способность вуалировать эти стороны быта как «специфические», «пикантные», говорящие о разнообразии культур и снижающие отношение к любым ее проявлениям.

Механизм унификации позволяет выявить типичные и повторяющиеся идеологические установки. Указание на познаваемость мира и стремление показать, насколько он многогранен, производится посредством фотографических изображений с единой дизайнерской обработкой; стремление показать другую сторону путешествий — быт и нравы принимаемой стороны реализовано через однотипные изображения людей и объектов их быта.

Представление образа путешественника дается в директивной форме: рекламируемые образцы одежды, образов жизни, автомобилей, снаряжения, парфюма и т. п. сопоставлены с идеологическими тезисами об успешности и высоком потребительском статусе приверженцев журнала.

Механизм фрагментации позволяет сформировать так называемые «наши» и «чужие» образы. В любой идеологии есть образ врага, в нашем случае это «турист организованный» [1, с. 7], лишенный интереса к индивидуальным особенностям культуры другой страны, либо беспечный, не занятый своей безопасностью [1, с. 92]. Особенностью данного журнала является и то, что русская национальная культура выступает как основание для сравнения с другими культурами [1, с. 33]. Все понимается под традиционным для россиян углом — с цитатами великих классиков русской литературы, в обрамлении личностей русской истории, с ориентацией на коллективные потребности россиян, их неподдельный интерес к природе и религии.

Механизм реификации реализуется в том, что журнал является не только поставщиком информации о странах мира, он выступает как путеводитель, инструкция по применению, которую необходимо взять с собой в путешествие, а не использовать только как книгу для чтения.

Таким образом, журнал «Вокруг света» и на протяжении всей истории и в конкретном примере является транслятором идеологии широты мира и особого отношения к нему со стороны культурно-ориентированной состоявшейся личности. Возможности использования методологии Дж. Б. Томпсона кажутся достаточно широкими и позволяют исследователю более глубоко осознать степень влияния идеологии журнала на сознание читателей. Установление механизмов формирования образа мира и господствующих установок в сознании позволяет понять и роль медиа-средств в формировании менталитета современного человека.

Список литературы:

1. Вокруг Света. — М.: ООО «Издательство «Вокруг света», № 1 (2892), 2015.
2. Комарова Е.В. Журнал «Вокруг света»: история и функционирование на современном этапе: Автореф ... дис. канд. филол. наук. — Челябинск: ЧГУ, 2014. — 23 с.
3. Thompson John, B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press. 1990. P. 56—66.

МЕХАНИЗМЫ ВНУТРИГРУППОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

Бедрик Андрей Владимирович

*канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник Института
социологии и регионоведения Южного федерального университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: abedrik@bk.ru*

MECHANISMS OF INTRAGROUP INTEGRATION OF ETHNIC MIGRANTS

Andrey Bedrik

*candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute
of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

Цель статьи состоит в рассмотрении механизмов формирования внутригрупповой интегрированности этнических мигрантов. В результате выделены ситуационно-реактивный, мобилизационный и кризисный виды этнической сплоченности мигрантов, рассмотрены их особенности, проанализированы факторы, способствующие актуализации этнической солидарности: совокупные условия социальных рисков принимающего сообщества, этнокультурная дистанция между коренным населением и мигрантами, внутриэтническое доверие в мигрантских общинах. Вывод: внутригрупповая интеграция этнических мигрантов носит компенсационный характер.

ABSTRACT

The goal of the article is to consider the mechanisms of intragroup integratedness formation of migrants. As a result, situational and reactive, mobilization and crisis types of ethnic cohesion of migrants are identified; their peculiarities are analyzed and factors contributing to the actualization of ethnic solidarity are studied: accumulative terms of host community's social risks, ethnic and cultural distance between the local population and migrants, intraethnic trust in migrant communities. Conclusion: the intragroup integration of ethnic migrants has a compensatory nature.

Ключевые слова: миграция; интеграция; адаптация; групповая интегрированность; этническая солидарность.

Keywords: migration; integration; adaptation; intragroup integratedness; ethnic solidarity.

Миграционная динамика населения в России в постсоветский период обуславливает объективную сторону актуальности изучения адаптации мигрантов к условиям инокультурного принимающего сообщества. Одной из наиболее сложных проблем в этом направлении является сокращение социальной и культурной дистанции между мигрантами и старожилами, поиск возможностей для их консолидации на базе общих гражданских, региональных или локальных идентич-

ностей. Одним из факторов, препятствующих успешному инкорпорированию мигрантов в новые социумы, оказывается их собственная внутригрупповая интеграция по типу этнической сегрегации (капсулирования), что приводит к образованию мигрантских анклавов и обостряет межэтнические противоречия на территориях расселения мигрантов.

Цель данной статьи — изучить механизмы формирования внутригрупповой интегрированности этнических мигрантов. При анализе природы и факторов формирования групповой интегрированности этнических мигрантов мы исходим из общего представления о том, что любые кардинальные преобразования в обществе в значительной степени ограничивают спектр возможного выбора (формального и неформального) целей социальных субъектов, а также способов (и издержек) достижения этих целей. Для реализации же своих целей и интересов, социальные субъекты вступают в определённые социальные взаимодействия и используют доступные в их социальной позиции ресурсы [9, с. 78].

Таким образом, в условиях кардинального изменения социального окружения, которое происходит в результате этнической миграции, перед мигрантами стоят как минимум две макропроблемы: определиться с целями своей адаптации и выбрать средства для их достижения. Если в первом случае с выбором целей возможны многие варианты (трудоустройство, безопасность и т. д.), то, что касается средств адаптации, здесь, как правило, выбор весьма ограничен. В условиях социальных рисков этнические мигранты выбирают наиболее доступный им инструмент социальной адаптации — собственную групповую интегрированность на основе этнической принадлежности.

Групповая интегрированность этнических мигрантов — это основанная на внутриэтнической солидарности форма организации мигрантов, которой присущ коллективный характер адаптационного поведения в принимающем сообществе [3, с. 50]. Групповая интегрированность этнических мигрантов может быть трёх видов: ситуационно-реактивной, мобилизационной и кризисной. Однако критерии выделения этих видов различны. Ситуационно-реактивный тип означает, что групповая интегрированность возникает у этнических мигрантов на непродолжительное время как реакция на изменение внешней ситуации. Таким образом, основным критерием его выделения является временная продолжительность потребности и стремления мигрантов к групповому сплочению. Такой тип характерен для маятниковых и сезонных этнических мигрантов:

мигранты объединяются только на время пребывания в принимающем сообществе.

Мобилизационный и кризисный типы групповой интегрированности мигрантов выделяются на основе качественного критерия, а именно — уровня групповой сплочённости этнических мигрантов в рамках принимающего сообщества. Данные типы групповой интегрированности характеризуют, главным образом, стационарных этнических мигрантов (или тех, чьё пребывание на новом месте является весьма продолжительным, либо точный срок его окончания неизвестен). Мобилизационный тип характеризуется наивысшей степенью сплочённости этнических мигрантов, при одновременной минимизации контактов с внешним окружением. Группа монолитна и реализует в принимающем сообществе закрытую стратегию адаптационного поведения в форме этнической сегрегации или изоляции. Такой тип групповой интегрированности характерен, как правило, для первого поколения мигрантов и предполагает наличие большой культурной дистанции между ними и коренным населением. Однако если риски не уменьшаются, то и тип групповой интегрированности не меняется.

Со временем группа пополняется новыми членами за счёт не прекращающегося миграционного прироста, усиливается внутриэтническая стратификация, мигранты второго, третьего и т. д. поколений наращивают опыт взаимодействия с местным населением, их контакты интенсифицируются и в конечном итоге приводят к кризису групповой интегрированности «исторических» мигрантов и мигрантов-«новичков». Отсюда возникновение третьего типа групповой интегрированности мигрантов — кризисного [3, с. 51]. Для него характерно стремление мигрантов-«старожилов» заблокировать возможности восходящей социальной мобильности для мигрантов новой волны. Последние всё больше оцениваются как конкуренты уже на внутриэтническом уровне. Их этнокультурные характеристики заметно отличаются от этнокультурных характеристик «исторических» мигрантов, в которых произошли заметные изменения в ходе взаимодействия с иноэтническим принимающим сообществом. Этнические сети продолжают функционировать, но служат цели воспроизводства ресурсов для заполнения трудовых мест в структуре предприятий, которые принадлежат «историческим» мигрантам. Однако для того, чтобы из мобилизационного типа групповая интегрированность этнических мигрантов перешла в кризисный, требуется долгий период времени. Кроме того, такой переход практически невозможен в ситуации высокого уровня социальных рисков адаптации мигрантов.

Закономерно возникает вопрос, что обуславливает появление внутриэтнической солидарности мигрантов? В наиболее общем представлении, понятие «солидарность» можно рассматривать как способ ценностно-целевой координации деятельности общества или группы и принятие массовых решений в отношении направления основного вектора процессов развития [4, с. 60]. По своей природе внутриэтническая солидарность мигрантов близка понятию механической солидарности (или солидарности по сходствам), выделяемой французским социологом Э. Дюркгеймом. Он предположил, что «существует социальная солидарность, происходящая от того, что известное число состояний сознания является общим для всех членов одного и того же общества» [5, с. 108]. Таким общим сознанием является «совокупность верований и чувств, общих членам одного и того же общества ... Оно независимо от частных условий, в которых находятся индивиды; они проходят, а оно остаётся» [5, с. 80]. Оно проявляется и в том, что граждане «любят друг друга и предпочитают друг друга иностранцам» [5, с. 104]. Последнее умозаключение Э. Дюркгейма для нас особенно важно. Солидаризация этнических мигрантов происходит именно на основе своей этнокультурной отличительности от принимающего сообщества.

Солидарность этнических мигрантов не только основана на их групповой самоидентификации, но и является необходимым условием сохранения собственной идентичности в принимающем сообществе. По мнению исследователя В.И. Дятлова, «без органического растворения человека в группе, без разветвленной системы норм, правил поведения, институтов, связей, жёсткой структуры подчинения и покровительства, внутригрупповой иерархии, строжайшего взаимного контроля и суровых санкций к нарушителям выжить в чужеродном окружении было бы просто невозможно» [6, с. 30].

Однако механическая природа солидарности этнических мигрантов, возникающая на общинно-клановой или этнической основе, постепенно трансформируется в органическую, для которой важны уже специализированные функции членов мигрантской группы, делающие их ощутимо зависимыми друг от друга в повседневной жизни. Если в начале своего процесса адаптации мигранты взаимодействуют не с функцией другого (для них незначимо, что он делает, чем он для других незаменим), а связь осуществляется преимущественно на эмоционально-нравственной основе, поскольку в основном это сородичи, соседи, люди одной крови, то с развитием сетевого механизма воспроизводства мигрантов функциональная зависимость между вновь прибывшими мигрантами и мигрантами первой волны

заметно возрастает. Мигрантов начинает связывать друг с другом взаимозависимость, взаимодополняемость функций, профессий, умений. В рамках мигрантских общин и на их основе начинают эффективно функционировать торговые и финансовые структуры. По этой цепочке начинают циркулировать не только товары и финансы, но и самое главное — информация [6, с. 31].

Однако, несмотря на рост функциональной зависимости в среде мигрантов, в условиях иноэтничного окружения мигрантские общины не в состоянии полностью освободиться от действия механической солидарности. Она каждый раз будет проявляться в условиях актуализации средовых социальных рисков адаптации мигрантов. Даже сформировавшиеся на общей этнической базе кланы, как правило, соперничающие, иногда просто враждующие друг с другом, перед лицом внешнего мира, особенно властей, выступают единым фронтом. В целом, по мнению исследовательницы С.Ю. Барсуковой, внутриаэтническую солидаризацию мигрантов обуславливают следующие факторы [2, с. 6—7]. Во-первых, различные атрибуты принижения и угнетения мигрантов со стороны принимающего сообщества: это и дискриминация на рынке труда, и конфронтация с местными жителями, и ущемление политических прав и т. д. Во-вторых, степень культурной и лингвистической дистанции между мигрантами и коренными жителями. Если мигранты способны «раствориться» в местной среде, то шансы возникновения в их рядах групповой солидарности значительно снижаются. В-третьих, определённую весомость солидаристскому потенциалу мигрантов создаёт возможность возвращения домой. Если социально-экономические и политические условия на родине позволяют рассчитывать на возвращение, то мигранты при достижении критической массы адаптационных сложностей готовы выбрать соответствующую стратегию. Однако этот фактор не играет никакой роли в условиях маятниковой и сезонной этнической миграции, так как в данных случаях понятие «возвращение» вряд ли является адекватным. В большей степени оно характеризует стрессовых этнических мигрантов, которые надеются, что выталкивающие факторы, спровоцировавшие их переезд с территорий исторического расселения, потеряют свою актуальность, и они смогут вернуться назад. В-четвёртых, мигрантскую солидарность во многом определяют национальные и культурные традиции, привнесённые с родных мест. Она может проявляться как сознательное их акцентирование этническими мигрантами в чуждом окружении. Когда же национально-культурное своеобразие недостаточно выражено, плохо осознаваемо, то компенсаторную функцию

выполняют стереотипы восприятия мигрантов, которые демонстрирует принимающая сторона. Так далеко не всегда групповая солидаризация на основе этнокультурной принадлежности являлась результатом свободного выбора мигрантов: зачастую принимающее сообщество изначально обращается к мигрантам как группе, при этом чуждой их (коренного населения) этническим и культурным характеристикам [6, с. 30]. В-пятых, немаловажно сравнение социально-экономических укладов покинутой родины и нынешней территории проживания, принципиальная схожесть которых частично нейтрализует эффект социального шока, тогда как обратная ситуация усиливает его.

Представляется, что наиболее значимым фактором этнической солидаризации мигрантов являются совокупные условия социальных рисков принимающего сообщества. Среди них особо стоит отметить рэкет со стороны криминальных структур и ведомственный национализм. Как отмечает исследователь В. Малахов организованные преступные группировки «крышуют» мигрантов (то есть обирают их под видом защиты), а правоохранительные органы или находятся в сотрудинчестве с криминалом, или напрямую идут на рутинные поборы и прямую эксплуатацию иммигрантов [7, с. 195—196]. Вторым фактором является объективная этнокультурная дистанция между коренным населением и мигрантами, которая актуализирует у последних психологическую потребность в общении со «своими». Третий фактор, который приобретает особую важность в процессах социально-экономической и трудовой адаптации мигрантов, тесно взаимосвязан с двумя предшествующими. Это фактор внутриэтнического доверия. В отличие от социальных рисков адаптации и этнокультурной дистанции мигрантов и принимающего сообщества, роль фактора внутриэтнического доверия ещё не была нами проанализирована, и потому требует дополнительного внимания.

Основы социологического понимания категории «доверия» заложил немецкий социолог Г. Зиммель. Исходя из его трактовки, доверие следует рассматривать как продукт, возникающий на основе опыта взаимодействия субъектов [8, с. 33]. Именно наличие предшествующего опыта взаимодействия с представителями своей этнической группы даёт основание мигрантам доверять им и на новом месте проживания. В то же время, с принимающим сообществом такой опыт взаимодействия, как правило, отсутствует, что в очередной раз ставит мигрантов перед необходимостью рисковать.

Кроме того, согласно теории, Г. Зиммеля, важный аспект деятельности социального субъекта, дающий ему основание доверять

другому субъекту, касается возможностей контроля за деятельностью последнего [8, с. 34]. Так, даже в случае отсутствия реального опыта взаимодействия между мигрантом и его этнической группой на территории принимающего сообщества, риск обмана со стороны этнических сородичей компенсируется возможностью применения к недобросовестным партнерам самых жестких внутриобщинных санкций, вплоть до бойкота и ostracизма [6, с. 31]. Следуя логике С.Ю. Барсуковой, анализирующей факторы формирования доверия в сетевых сообществах, доверие в мигрантской общине основано не на вере в индивидуальную честность каждого из её членов, а на способности группы заставить любого отдельного мигранта соблюдать условия взаимодействия. По сути, мигрант доверяет не просто другому мигранту, а тому окружению, которое сумеет вынудить любого из своих членов соблюдать правила коммуникации [1, с. 53]. При этом вероятность возникновения системы внутриаэтнического доверия мигрантов зависит от того, в какой мере их сообщество оказывается единственным (или одним из немногих) источником благ, получаемых переселенцами [1, с. 56]. Если мигрант способен самостоятельно получить доступ к ресурсам, необходимым ему для своего социального утверждения, то значимость его этнического сообщества как источника ресурсов ослабевает. Когда же принимающее сообщество блокирует для мигрантов все шансы на успех, ожидание помощи со стороны «своих» резко возрастает. Соответственно возрастает готовность подчиняться нормам группы в обмен на доступ к её ресурсам.

Таким образом, солидаризация этических мигрантов, на основе которой возможна их групповая интегрированность, происходит через осознание мигрантами своей этнокультурной отличительности от принимающего сообщества, рассмотрение последнего как среды рисков для себя и формирования в таких условиях вынужденного внутриаэтнического доверия. Внутригрупповая интеграция носит компенсационный характер и оказывается фактором, снижающим внешний интеграционный потенциал мигрантов, влияет на конфликтный тип их взаимодействия со старожильческим населением. В то же время внутригрупповая интеграция служит базой для институционализации мигрантских диаспор в форме национально-культурных автономий или общественных организаций, которые выстраивают взаимодействия с официальными институтами принимающих сообществ и являются эффективным инструментом адаптации мигрантов.

Список литературы:

1. Барсукова С.Ю. Вынужденное доверие сетевого мира // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 52—61.
2. Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 3—12.
3. Бедрик А.В. Социальная адаптация этнических мигрантов в Ростовской области. Ростов-н/Д, 2007. — 144 с.
4. Горяинов В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 60—67.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1990. — 576 с.
6. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). — М.: Наталис, 2000. — 190 с.
7. Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. — М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. — 232 с.
8. Стоянов К. Доверие и отчуждение: аспекты социологической концепции Г. Зиммеля // Экономика и социология доверия / Ред. Ю.В. Веселов. — СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. С. 32—49.
9. Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. Т. 10. № 3. С. 78—104.

СЕКЦИЯ 2. ФИЛОСОФИЯ

2.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

«НОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ»: К ПРОБЛЕМЕ ТРАКТОВКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Тургенева Ольга Юрьевна

*канд. филос. наук, преподаватель кафедры философии,
Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт»,
Украина, г. Киев*

E-mail: pacifermann@mail.ru

Калюжная Катерина Викторовна

*студент факультета социологии и права, Национальный технический
университет Украины «Киевский политехнический институт»,
Украина, г. Киев*

E-mail: katrain@ukr.net

“NEW CAPITALISM”: THE PROBLEM OF INTERPRETATION SOCIO-ECONOMIC CHARACTERISTICS OF MODERN SOCIETY

Olga Turgeneva

*ph.D., lecturer of Philosophy Department, National Technical University
of Ukraine “Kiev Polytechnic Institute”,
Ukraine, Kyiv*

Katerina Kaljuzhnaja

*student of Sociology and Law Department, National Technical University
of Ukraine “Kiev Polytechnic Institute”,
Ukraine, Kyiv*

АННОТАЦИЯ

Современный мир все еще называют капиталистическим, отрицая тем самым изменения, произошедшие за время, отделяющее нас от эпохи Маркса, отличающие современность от индустриальной эпохи. Статья посвящена анализу того, насколько верно подобное позиционирование современного мира. В статье рассмотрены различные подходы к устройству социума XXI века: от мнения, что в основных экономических характеристиках социум не изменился, — до идеи о качественно новом этапе в развитии общественных отношений.

ABSTRACT

The modern world is still called “capitalistic”, despite the changes that have occurred over time from Marx to the 21st century, from the industrial era — to the present. This article analyzes how valid such assessment of the modern world is. The article deals with different approaches to the unit of the XXI century society: from the view that the basic economic characteristics of the society have not changed — to the idea of a qualitatively new stage in the development of public relations.

Ключевые слова: Капитализм; империализм; капитал; индустриальная эпоха; постиндустриальная эпоха; классы; классовые различия; открытое общество; социальный капитал.

Keywords: Capitalism; imperialism; the capital; the industrial era; the post-industrial era; classes; class distinctions; open society; social capital.

Обосновывая актуальность заявленной темы, приведем в качестве эпиграфа слова Джека Лондона: «Человечество, однако, бедствует

не оттого, что капиталисты создали себе огромные богатства; человечество бедствует оттого, что огромнейшие богатства так и не были созданы» [8]. Слова эти, написанные в эссе «Революция» в 1910 году, актуальны, по нашему мнению, и сегодня.

Современный мир все еще называют капиталистическим, отрицая тем самым изменения, произошедшие за время, отделяющее нас от эпохи Маркса, отличающие современность от индустриальной эпохи. В данной статье мы попытаемся разобраться, насколько верно подобное позиционирование современного мира, рассмотрим различные подходы к устройству социума XXI века: от мнения, что в основных экономических характеристиках социум не изменился, — до идеи о качественно новом этапе в развитии общественных отношений.

Согласно Оксфордскому философскому словарю, капитализм — это «современная, базирующаяся на рынке экономическая система производства товаров, контролируемая «капиталом», то есть стоимостью, используемой для найма рабочих» [14]. Может ли это определение капитализма как «экономической системы производства товаров» исчерпывающе охарактеризовать современность; или, иными словами, — исчерпывается ли этой характеристикой многомерность современной эпохи?

К. Маркс понимал под капитализмом исторически особый способ производства, при котором главным средством производства является капитал, а также наличествует частная собственность на средства производства и конфликт по поводу этой собственности — классовый антагонизм. Но может ли современное состояние экономики и общественных отношений вписаться в марксову картину?

В предисловии к русскому изданию книги «Открытое общество и его враги» К. Поппер пишет: «Все знают, что открытые общества Запада являются *«капиталистическими»*. Слово «капитализм» получило широчайшую известность и всеобщее признание благодаря Марксу и марксизму [...]. «Капитализм» в том смысле, в каком Маркс употреблял этот термин, *нигде и никогда не существовал* на нашей прекрасной планете Земля — он реален не более, чем дантовский Ад. Но если тех, кто серьезно утверждал или верил, что Ад можно найти где-то на нашей планете, очень мало, то миллионам марксистов внушили, — и они поверили в это, — что марксов капитализм существует в странах Запада. А кое-где (и не только в Китае и Северной Корее!) этому учат до сих пор» [15, с. 11—12].

Итак, корректно ли называть капитализмом современность — эпоху глобализации, век социальных проектов, транснациональных корпораций и борьбы за права человека? Является ли сегодня капитал

главной и единственной ценностью, определяющей ход общественной жизни? Мы выделяем три основных подхода к пониманию современного капитализма (и, соответственно, три возможных ответа на поставленные вопросы): капитализм в своих сущностных чертах остался неизменным (и сегодня, используя термин «капитализм», мы употребляем его в классическом «марксовом» значении), капитализм существует в стадии империализма (сюда же можно отнести неомарксистскую концепцию мир-системного анализа), современность нельзя назвать капитализмом (или, называя ее капитализмом, следует всякий раз заново определять этот термин, подчеркивая его отличия от классического марксистского понимания капитализма).

Классический капитализм.

Впервые Маркс обращается к термину «капитализм» в 1867 году в книге «Капитал», в контексте «капиталистического способа производства». Впоследствии Маркс уточняет термин «капитализм», определяя его с точки зрения формационного подхода как «исторический период развития общества, для которого характерны наличие двух антагонистических классов (буржуа и пролетариев)» [9]. Кроме того, капитализму свойственна «бесперывная революционность эпохи, когда прогресс в одном направлении влечет за собой неминуемое изменение всего общественного устройства» [11]. Маркс полагал, что двигателем социальных изменений в индустриальном обществе выступают противоречия между классами капиталистов и пролетариев, и что они (противоречия) являются не переходящими, а основными для общественных отношений эпохи капитализма.

В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают ход истории как постоянную борьбу между двумя наибольшими социальными группами. Так, они выделяют 6 периодов развития истории (общественно-экономических формаций): первый период — первобытнообщинный, характеризуется отсутствием частной собственности, следовательно, и классовой борьбы; дальнейшим этапам (античности, феодализму и капитализму) свойственно наличие антагонистических классов. И следствием революции в эпоху капитализма должно было стать повсеместное распространение коммунистической идеологии и, как следствие, — установления века всеобщего равенства и отсутствия бедности. Привести к пролетарской революции должно было скопление всего капитала в руках буржуазного меньшинства и бедность пролетарского большинства. «Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой

упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса. На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [11].

Принцип классово-антагонистического фундамента революции оспаривает теория А. Турена, который в своей «Идее революции» говорит о том, что общепринятое понимание революции неверно, ибо она (революция) не влечет за собой реальных изменений, соответствующих желаниям или взглядам большинства. Турен пишет о том, что революция — это лишь борьба одних власть имущих с другими, реальное мнение социума остается за гранями этой борьбы. По мнению Турена, настоящий революционный характер имеют общественные движения, которые приводят к общественным реформам [17].

Возвращаясь к марксистской трактовке капитализма, нельзя не упомянуть явление отчуждения. Отчужденный человек — «пострадавший» от индустриализации, капиталистического способа производства. Отчуждение, по Марксу, — потеря рабочим смысла труда и собственного существования (Маркс выделяет 4 типа отчуждения: отчуждение от процесса труда, от продукта труда, от своей собственной сущности, отчуждение людей друг от друга). Согласно концепции отчуждения, рабочий — «придаток к машине», а рабочая сила — товар, продающийся за заработную плату. Произведённый работником продукт «уходит» к капиталисту (владельцу средств производства), и вследствие этого представляет собой как бы чуждый, отделённый от работника предмет. Отчуждение рассматривается и в процессе отделения продукта труда, и в самой производственной деятельности, и в отношении работника к самому себе и к другим людям [10].

С появлением высокотехнологичного производства рабочий перестал быть «придатком к машине», поскольку современное оборудование требует высококвалифицированных специалистов, существенно влияющих на процесс производства; продолжительность рабочего дня сократилась, позволив рабочему преодолеть социальное отчуждение, появились профсоюзы, обеспечивающие соблюдение прав рабочих, рабочие превратились в акционеров предприятий, на которых работают, и т. д. Индустриальная эпоха уступила место постиндустриальной, и наряду с крупными производствами оказались

востребованными производства мелкие, нишевые, где капиталист, собственник средств производства, зачастую сам является работником.

Капитализм как империализм.

Под империализмом понимается государственная политика, направленная на завоевание территорий и формирование колоний, экономический или политический контроль над другими странами. Для империализма характерны такие черты: наличие монополий, объединение производственного и банковского капиталов в финансовый капитал, полный территориальный раздел мира, возникновение олигархий, возникновение монополистических союзов, делящих между собой мир. Сегодня понятие империализма все чаще трактуется в контексте феномена глобализма.

Впервые империалистическую систему общества рассматривал Д. Гобсон в своей монографии «Империализм» (1902 г.): «Широкая связь империализма с различными родственными понятиями облегчит нам определение его сущности. Национализм, интернационализм, колониальная политика — его ближайшие три сородича...». Главное достижение Гобсона — в представлении империализма как двуединой категории, в основе которой автор рассматривает экономику и политику через призму национализма [2].

Позже империализм рассматривается В.И. Лениным в его труде «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), который послужил обоснованием важнейших теоретических и политических положений ленинизма. Империализм характеризуется экономическим разделом мира на сферы интересов международных корпораций и борьбы между ними, в которую вовлекаются государства. Империализм — стадия в развитии капитализма, существенным отличием которой является борьба на значительно более высоком уровне, борьба между государствами [7]. При империализме сохраняются общие основы капиталистического способа производства, но обостряются его противоречия. Наблюдается господство монополий и финансового капитала, начинается раздел мира международными трестами и закончился раздел всей земли крупнейшими капиталистическими странами. По мнению В.И. Ленина, империализм — финальная стадия капитализма и канун социалистической революции.

При империализме, как и при капитализме, собственность на основные средства производства остается в руках капиталистов или их монополистических объединений. Закон прибавочной стоимости, описанный Марксом в «Капитале», продолжает действовать. «...Движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание капитала, т. е. возможно большее производство прибавочной

стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом» [12]. Этот закон предопределяет все главные черты капиталистического производства, его главный стимул и социальную направленность.

Логичным развитием учения Ленина становится мир-система неомарксиста И. Валлерстайна. Согласно миро-системному анализу современные государства делятся на ядро (центр), полупериферии и периферии. Таким образом, в конце 20 века странами ядра, то есть теми, в чьих руках накапливается капитал, были США, Канада, Австралия, Япония и Западная Европа; полупериферийными государствами — Китай, Индия, ЮАР, Мексика, Бразилия и т. п.; странами периферии оказались практически все страны Азии, Африки, Южной Америки и Восточной Европы [1]: «Никакого свободного рынка никогда не было, да и не могло существовать в пределах капиталистической мир-экономики. Капитализм стремится к максимальному приумножению прибыли на мировом рынке, всегда и повсеместно используя монополии или другие формы ограничения торговли, если это является прибыльным», — пишет Валлерстайн. Такая концептуализация капитализма напоминает Веберовский идеальный тип политического капитализма, который он противопоставлял капитализму рациональному [6, с. 70—91].

«Новый капитализм».

Несмотря на то, что XXI век часто, особенно в русле неомарксистской и постсоветской философской традиции, называют веком капитализма, невозможно отрицать разительные отличия между «классическим» (марксовым) капитализмом и современным, «поздним» капитализмом. Признание современной эпохи «капитализмом» объединяла в 20 веке марксистов, позитивистов, либералов. Были, однако, и те, кто, возвращаясь к теме капиталистического общества, говорили о неоднозначности подобной трактовки, обусловленной его многогранностью, неоднородностью, многоуровневостью. Еще М. Вебер, дискутируя с В. Зомбартом, говорил не только о культурно-историческом, но и о социально-экономическом и социологическом плюрализме капиталистического общества. Вебер выделял разные типы капитализма: «ранний капитализм», «современный капитализм». Последний будет впоследствии подразделен им на «развитой» и «поздний». Под «современным капитализмом» М. Вебер понимал, прежде всего (и главным образом) промышленный, а потому и «рациональный», поскольку современная техника требует рационального расчета в едва ли не большей степени, чем рыночная калькуляция, без которой, согласно М. Веберу, был бы немислим и античный капитализм [3].

«Новый капитализм» — термин, употребленный В. Зомбартом, был использован автором в 1920-х гг. для объяснения экономического чуда Японии. Феномен «нового капитализма» позволяет говорить о способности капиталистического общества видоизменяться, приобретать различные формы [4].

В своей книге «Культура нового капитализма» (2006 г.) Р. Сеннетт описывает преобразования, которые произошли в постмодернистском капитализме: корпорации становятся более размытыми, нестабильными и децентрализованными. Современные корпорации разительно отличаются от «железной клетки» бюрократии, описанной Вебером — то есть пирамидальной иерархической корпоративной структуры, в которой люди «знали свое место» и «планировали будущее». Современные корпорации, в свою очередь, не гарантируют долгосрочную стабильность, простоту иерархической схемы или межличностное доверие. Таким образом, принцип работы современных крупных предприятий состоит в том, что происходит повсеместная механизация процессов, люди должны постоянно повышать уровень своей квалификации, чтобы не «устареть» [16]. Опытные и выносливые работники становятся ценными кадрами, имеют больше шансов занять престижную должность и большую независимость. Теперь, с появлением профсоюзов, сложного в использовании оснащения, и постоянной борьбы за ценные кадры, работник перестал быть «придатком к машине», прекратилось «машинное рабство», о котором писал К. Маркс. Кроме того, с появлением менеджеров власть над предприятием принадлежит не столько владельцу, сколько управленцу, который не относится к «буржуазному классу», но и не причислен к пролетариату.

Согласно статье, в Urban Dictionary, «новый капитализм относится к капиталистической модели, выделенной в отдельную модель после экономического краха в 2008 г.» [19]. Характерные черты для нового капитализма — стремление к корпоративному благосостоянию и корпоративному социализму, мощный лоббизм интересов корпораций и снижение уровня свободы рынка [19]. Для нового капитализма также характерно появление транснациональных корпораций, и восстановление функций корпораций по созданию социальных услуг для работников. Популярность приобретают компании, деятельность которых направлена на улучшение уровня жизни работников, создание полноценных социальных пакетов. Иными словами, для позднего капитализма характерны очертания социализма: поддержка социума со стороны капиталистов. Это связано не только с социальной ответственностью корпораций, не только с корпоративной культурой, но и с тем (многократно заявленным

в западной экономической литературе) фактом, что социальная ответственность компании приводит, в конечном счете, к повышению ее экономической эффективности (подробнее — Д. Коллинз, Д. Поррас — «Построенные навечно» [5]). Современные корпорации в корне отличаются от крупной промышленности XIX века, что позволяет говорить о том, что основные признаки капитализма, описанные Марксом, сегодня не актуальны: так, из «придатка к машине» работник становится основной ценностью современного высокотехнологичного производственного процесса, что также опровергает тезис о взаимозаменяемости рабочих, а забота об уровне жизни, социальное обеспечение сводит на нет проблему «потери смысла существования рабочих» или, иными словами, — отчуждение.

Тезисом для подтверждения плюралистичности капиталистической системы можно считать ее цикличность. Исторически, «дикий капитализм», возникший после Великой французской революции 1789 г. неизменно приводит к экономическому кризису — Великой депрессии 1930-х гг. Возродившийся во времена правления Тэтчер и Рейгана, «дикий капитализм» заканчивается кризисом 2008 г. В свою очередь развитой, кейнсианский, капитализм, существовавший в период между двумя «дикими», стал причиной инфляции [13]. Возможно, новый виток капитализма последних лет станет началом общества качественно нового образца. Социолог Т. Маршалл, говоря о государстве всеобщего благосостояния (Welfare state), говорил об особом сочетании демократии, благосостояния и капитализма [18].

Итак, капитализм Маркса, по нашему мнению, — феномен исключительно индустриальный; в постиндустриальную эпоху он, если не теряет свою актуальность полностью, то приобретает новые, специфически современные, черты: само понятие капитала трансформируется, перемещается в область «социального (человеческого) капитала», особое значение в социально-экономических процессах приобретают связи, знания, квалификация.

Список литературы:

1. Валлерстайн И. Мир-системный анализ. — 1987. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/wallerstein/?Library=1084> (Дата обращения: 15.05.2015).
2. Гобсон Дж. Империализм / Дж. Гобсон. — М.: Книжный дом «Либроком». — 2010. — 288 с.
3. Давыдов Ю. Макс Вебер и «новый русский» капитализм». — 2009. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nemaloknig.info/read-172531/> (Дата обращения: 15.05.2015).
4. Зомбарт В. Современный капитализм. — Т. 1—2. — М — Л, 1930.

5. Коллинз Д., Поррас Д. Построенные навечно. — М: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 368 с.
6. Кутуев П. Конфликтология. — К., 2001. — 236 с.
7. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. — 1916. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Lenin_Imperialism/imp.html (Дата обращения: 15.05.2015).
8. Лондон Джек. Революция. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://thelib.ru/books/london_dzhek/revolyuciya-read-2.html (Дата обращения: 1.07.2015).
9. Маркс К. Капитал. — Т. 1. — 1867. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html> (Дата обращения: 15.05.2015).
10. Маркс К. Экономико-философские рукописи. — 1844. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.psylib.org.ua/books/marxk01/index.htm> (Дата обращения: 15.05.2015).
11. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. — 1848. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Manifesto/manifesto.html> (Дата обращения: 15.05.2015).
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — М.: Госполитиздат, 1960. — 907 с.
13. Милова Н. Конец капитализма или новый капитализм? — 2010 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.proza.ru/2010/08/20/1506> (Дата обращения: 15.05.2015).
14. Оксфордский словарь. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://public.oed.com/> (Дата обращения: 15.05.2015).
15. Поппер К. Открытое общество и его враги. Письмо моим русским читателям. — Т. 1. — М., 1992. — С. 11—15.
16. Сеннетт Р. Культура нового капитализма. — 2006 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://asounder.org/resources/sennett_culture.pdf (Дата обращения: 15.05.2015).
17. Турен А. Идея революции. — 1990 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/socoboz/2014_1/socoboz_13_1_05_touraine.pdf (Дата обращения: 15.05.2015).
18. Encyclopedia Britannica, 2015 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.britannica.com/ebchecked/topic/639266/welfare-state> (Дата обращения: 15.05.2015).
19. Urban Dictionary, 1999—2015 гг. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.urbandictionary.com/define.php?Term=New+Capitalism> (Дата обращения: 15.05.2015).

2.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

АТТРИБУТЫ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ЭСТЕТИКЕ Ф. ШЕЛЛИНГА

Петрык Янина Юрьевна

*канд. филос. наук, доц. Кубанского государственного университета,
РФ, г. Краснодар
E-mail: p_yanina@mail.ru*

Сергеева Юлия Александровна

*студент 4 курса отделения философии
Кубанского государственного университета,
РФ, г. Краснодар*

THE ATTRIBUTES OF LYRIC POETRY IN THE AESTHETICS F. SCHELLING

Yanina Petryk

*candidate of Philosophy, Associate Professor "Kuban State University",
Russia, Krasnodar*

Yuliya Sergeeva

*4th year student of the Department of Philosophy
of the "Kuban State University",
Russia, Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является анализ атрибутов лирической поэзии в эстетике Ф. Шеллинга. В качестве её неотъемлемых свойств необходимо выделить: оригинальность и целостность лирического стихотворения, субъективность, подчиненность принципу красоты, страсть, наличие единого тона и отсутствие однообразия ритма, свободное сочетание материала стихотворения (отсутствие принудительности) и вневременность.

ABSTRACT

The purpose of this article is to describe the attributes of lyric poetry in aesthetic of F. Schelling. It is necessary to distinguish originality and integrity of lyrical poems, subjectivity, subordination to the principle of beauty, passion, a single tone and lack of uniformity of rhythm, free combination of material and timelessness as an integral properties of lyric poetry.

Ключевые слова: поэзия; лирика; искусство.

Keywords: poetry; lyrics; art.

Описывая современное состояние культуры и эстетики, П.С. Гуревич, повествует о наличии «умышленного многообразия стилей» [2, с. 115], смешении разнообразных жанров и форм, о желании современного человека «потреблять» уже «готовые мыслительные продукты» без умственного напряжения и рефлексии, о готовности вполне удовлетвориться «графаретностью мышления». Именно в хаосе стилей, жанров и форм, в рамках повседневности, «страдающей» стереотипностью, шаблонностью, стандартностью, особенно остро встает вопрос о сохранении уникального, оригинального, автохтонного. В этой связи, несомненный интерес, именно как феномен «особенного» может представлять поэзия и, в частности лирика.

Действительно, не только эпоха немецкой классики, но и XX век был отмечен обращением к лирико-стихотворному началу в культуре, инициировав концептуальное оформление феномена «поэтического мышления», как «особой мыслительной формы», и способствовавший оформлению теоретического системного подхода к поэзии как к «особенному» эстетическому феномену.

Вместе с тем, несмотря на обилие работ в области философии и теоретического стиховедения, в современной культуре остается открытым вопрос о дефиниции поэтического и прозаического текста, а также их границах. Представляя собой два типа выразительности, проза и поэзия имеют неустойчивые и размытые пределы, а целый ряд дедуцируемых философами отличительных черт, таких как «презумпция графической упорядоченности», интонационно — декламационный характер поэтического текста, «эмоциональность» и «образность», как его атрибуты, не отражают специфику поэзии в целом, и лирики в частности.

В этой связи, отнюдь не праздным остается вопрос об основных атрибутах лирического поэтического произведения, ввиду того, что в современной эстетике до сих пор существуют сложности

в определении данного явления. Также, как и в случае с поэзией вообще, определяя лирику, философы при попытке создания линии бифуркации с другими явлениями подобного порядка, констатируют размытость и непрозрачность границ, а в случае самоопределения, лирика «теряется» в виду невозможности строго и четко дедуцировать собственное неповторимое и подлинное содержание. Возможность создания полной, не требующей уточнения и дополнения дефиниции лирики, затруднена в виду того, что её суть изначально ускользает от устойчивой фиксации и определения. К поэтическому и художественному не применимы принципы «объективности традиционной научности» (С.А Компанеев). В свою очередь именно возможность оперировать неточными понятиями и создавать новые образы посредством фантазии и привлекает философов в поэтическом тексте. Отсутствие дефинитивной определенности способствует свободному смысловыражению. Таким образом, «Философия искусства» Ф. Шеллинга, затронувшего не только проблему генезиса лирической поэзии, но и применившего опыт «конструирования» отдельных видов поэзии, а среди них и лирики, может стать интересным. Особое внимание следует уделить неотъемлемым свойствам лирической поэзии в понимании Ф. Шеллинга.

Атрибуты лирики, которые выявляет Ф. Шеллинг, определяя «*лирическое искусство как специальную форму созерцания и самосознания*» [6, с. 349], и которые мы попытаемся иллюстрировать, состоят в следующем: 1. *Оригинальность и целостность лирического стихотворения (его самодостаточность)*. 2. *Субъективность, как характерная черта лирического поэтического текста*. 3. *Подчиненность принципу красоты*. 4. *Страсть, как содержательный аспект лирики*. 5. *Наличие единого тона, но отсутствие однообразия ритма*. 6. *Свободное сочетание материала (отсутствие принудительности)*. 7. *Вневременность, как актуальность лирического содержания вне зависимости от меняющихся стилей и культурно-исторических эпох*.

Действительно, Ф. Шеллинг стремился анализировать лирику, как с позиции её содержания, так и формы. Однако, прежде всего, необходимо выявить определения поэзии и её отношения к универсуму, которые играют важную роль в «Философии искусства» Ф. Шеллинга. Поэзия — это «созерцание истинно бесконечного в бесконечном природы, ...» [6, с. 165], «... поэзия... это изображения абсолютного или универсума, в некотором особенном...» [6, с. 339], «ничто не может быть стихотворением или поэтическим, если

не изображает нечто абсолютное ... в его отношении к какому-либо особенному» [6, с. 340].

Используя систему категорий (идеальное и реальное, общее и особенное), Ф. Шеллинг стремился не только создать систему эстетического знания, но постичь абсолют, который постепенно раскрывается в процессе познания. Смысл познавательного процесса по Ф. Шеллингу состоял в созерцании целостных сущностей, поэтому метод *конструирования*, который применяет мыслитель, представляет собой косвенный путь к обеспечению такого познания. Ф. Шеллинг писал: «В основании всякого вида поэзии лежит некоторая идея» [6, с. 366], а «конструировать искусство — значит определить его место в универсуме» [6, с. 72]. Таким образом, благодаря методу конструирования, философ стремился дать представление о том, какую роль искусство, и, в частности, поэтическое творчество, должно сыграть в постижении истинно-сущего, в изображении абсолюта. «Я не хочу давать дефиниций. Каждый вид искусства определяется только своим местом (в универсуме) ...» [6, с. 366].

Несомненно, «философская система Ф. Шеллинга ... основана на последовательном преобладании то идеала над фактором реальности, то фактора реальности над идеалом...» ... «система состоит из двойственных подразделений и третья категория синтез» [1, с. 455]. В системе Ф. Шеллинга имеет место и бинарное (двоичное) отношение «реального и идеального» и диалектическая триадная или «тренажная система» (Л.А. Микешина) взаимоотношений «соединения», «разделения», и их «синтеза». Активно используя триаду, Ф. Шеллинг следует не историческому порядку в расположении видов поэтического искусства, но, как пишет сам мыслитель, «научному» (в его понимании диалектическому), а поэтому идет не от эпоса к лирической и драматической поэзии, а от «потенций особенного или различимости» это первое, второе, «потенции тождества», и третье — «потенция, где единство и различимость, общее и особенное совпадают» [6, с. 345]. Именно по этой причине Ф. Шеллинг располагает виды поэзии следующим образом: сначала *лирика* — в ней «преобладает, конечное, различимость и особенное» [6, с. 345], второй является эпическая поэзия (эпос) — в нем преобладает действие и история, явленные «в тождестве абсолютности» [6, с. 351], и третья — драма, драматическая поэзия, где имеет место «смещение противоположных начал» [6, с. 425], то есть «единство и различимость, общее и особенное» совпадают.

Исследуя подобным образом виды поэзии, Ф. Шеллинг особо отмечает, что искусство изображает абсолютное в общем, то есть

в языке, поэтому в лирике воплощается *бесконечное в конечном*, в эпосе конечное в бесконечном, а драма есть синтез конечного и бесконечного. Кроме того, полагает мыслитель, лирика как «изображение бесконечного или общего в особенном» [6, с. 346] совершает определенный «духовный круг», идет от особенного предмета или события к общему и от общего снова возвращается к особенному. Тем самым Ф. Шеллинг утверждает положение, воспринятое в свое время русским символизмом, в частности В.С. Соловьевым, о созвучии лирической поэзии с общезначимыми, объективными моментами универсума, без которых лирика не могла бы состояться как лирика.

Несколько ранее в «Философии искусства», ограничивая поэзию от прозы, и оговаривая особенный статус поэтического, Ф. Шеллинг писал: «поэзия отличается от прозы не только своим ритмом, но и *языком*, с одной стороны, более простым, а с другой стороны — более красивым» ...» в поэзии все ... подчиняется высшему и *главному принципу красоты*» [6, с. 344]. Таким образом, наряду с высоким статусом красоты в универсуме, поэзия, *подчиненная «принципу красоты»*, несомненно, возвышается среди искусств. Поэтическое не служит напрямую, намеренно познавательной функции человека, но является уникальным способом изображения истинно-сущего. Искусство поэзии помогает устанавливать внутренний (магический) контакт с абсолютом, являясь способностью восхождения к абсолюту и воплощения его в определенной и соразмерной форме, в форме *красоты*.

С первых строк толкования лирической поэзии Ф. Шеллинг упоминает о ней как о явлении сугубо *субъективном*. Лирическая поэзия «может быть названа субъективным родом искусства, если понимать субъективность в смысле особенного» [6, с. 345] (как потенция особенного и различного), она «в сравнении со всяким другим видом искусства более непосредственно вытекает из субъекта, а, следовательно, из особенного, ... безразлично выражает ли она состояние субъекта... или же заимствует у субъективности повод к объективному изображению» [6, с. 345]. Вместе с тем Ф. Шеллинг настойчиво предостерегает мыслить *субъективность*, как чистую *чувственность*, полагая последнюю отличительной чертой лирики: «... грубо считать чисто чувственные эмоции, чувственные аффекты или чувственные наслаждения, вызванные произведениями искусства, подлинным воздействием искусства» [6, с. 57]. Тем самым, *субъективное*, не означает у философа, только выражающее чувственное начало в человеке. Лирика тончайшим образом сочетает в себе

и чувственное и момент отвлеченной рефлексии. В дальнейшем этот аспект особенно удачно прокомментировал в статье «О лирической поэзии» В.С. Соловьев, полагавший, что лирика являет собой «не всякую субъективность», а только ту, которая должна стать *предметом мысли*, благодаря чему «мы и получим изображение, не переживаемое сейчас, а уже пережитое и представляемое» [5, с. 399]. Именно тогда субъективность, ставшая уже предметом мысли, обретет «созвучие с объективным смыслом вселенной» [5, с. 401].

Следующей отличительной чертой лирической поэзии является *«зачарованность»* *единым настроением, тоном и отсутствие однообразия ритма*. Ф. Шеллинг пишет: «во всяком другом виде поэтических произведений... возможна смена состояний, в лирике ... преобладает только один тон, одно основное чувство», «лирическая поэзия подчиняется больше всего ритму, находится от него в полной зависимости... (но) она избегает однообразных ритмов» [6, с. 346]. «Лирическое искусство есть специальная форма созерцания и самосознания... где находит свое выражение не образ, но душа, не предмет, но только настроение» [6, с. 349], а «... основные предметы лирического стихотворения имеют ... *страстный* характер». «*Страсть* — отличительное свойство конечного или особенного в противоположность общему» [6, с. 347]. Подобные высказывания не только фиксируют свойственный лирическому произведению психологизм, но и стремление Ф. Шеллинга усилить индивидуальность в лирическом произведении, так как лирика, действительно видит «абсолютное в индивидуальном» и, вместе с тем, возвращает индивида к самому себе. Кроме того, мыслитель реабилитирует в глазах рационализма чувственное знание, «*страсть*» и «воображение», без которых невозможно создать, сколько-нибудь значимое стихотворение.

Немаловажной чертой в описании лирической поэзии Ф. Шеллингу представляется *свободное сочетание материала (отсутствие принудительности в сочетании материала)* стихотворения не только в душе творца-автора, но и в душе реципиента. Лирическая поэзия — это субъективный вид поэзии, «в ней по необходимости преобладает свобода...», это «вид поэзии, имеющий наименее принудительный характер... ей разрешаются самые смелые отклонения от обычной последовательности мысли», требуется лишь «связь в душе поэта и слушателя не объективного или внешнего характера» [6, с. 347], внутреннее глубинное родство, симфонизм душ. Именно данный атрибут, полагал мыслитель, дает возможность лирической поэзии распасться на стихи «морального, дидактического и политического

содержания» [6, с. 351], в которых «принцип изображения... (тем не менее) субъективен» [6, с. 365]. Таким образом, даже в рамках дидактики, назидательного тона, автор в лирике выражает личностное субъективно-ценностное отношение к предмету.

Огромное значение Ф. Шеллинг придает понятию *вневременности* в толковании лирического произведения. Предмет или событие, которое описывает поэт подвержено времени, однако, поэзия, поэтическое слово находится вне времени: «... поэзия сама по себе должна пребывать как бы вне времени, не должна быть причастна времени... поэтому должна вкладывать все время, всю последовательность всецело в изображаемый предмет...» [6, с. 354]. Ф. Шеллинг полагает, что лирическое переживание, воплощенное в поэтическом творчестве, избегает процессуальности (как текучести процесса), движения, историчности, так как сама историчность предстает перед лириком как чистая случайность. В мышлении поэта, лирика обретает энергию вневременности и бесконечности, так как «ситуация», изображенная лириком, происходит «здесь и сейчас», всякий раз, когда читатель перечитывает стихотворение, и «всегда», так как художественная ценность этого произведения не зависит от культурно-исторической эпохи. Изображенные конкретные феномены случайны в отношении к вечности и бесконечности, однако их художественная ценность действительно вне времени.

Оригинальность и цельность лирического стихотворения — также неотъемлемое свойство лирики. Ф. Шеллинг напоминает: «... основной закон поэзии есть *оригинальность*». Творческая индивидуальность «сама должна создать себе мифологию, это может произойти на основе любого материала, однако будучи творчески созданной, она не может быть составлена по указке определенных идей философии, ведь в данном случае было бы невозможно дать ей самостоятельную поэтическую жизнь...» [6, с. 148], «...остается основное требование, чтобы сам индивидуум создавал себе свой поэтический мир», «любой материал, оригинально обработанный именно поэтом и общепозитичен» [6, с. 149]. «Стихотворение вообще есть некоторое *целое*, содержащее в себе самом свое время и свою энергию» [6, с. 343]. Таким образом, Ф. Шеллинг мыслит стихотворение, как самодостаточный феномен, к которому ничего прибавить или убавить невозможно. «Поэтический мир», созданный лириком самобытен и своеобразен, а поэтическая форма не требует дополнительных способов для воплощения смысла. *Цельность* стихотворения обосновывается мыслителем, как возможность воплощения единой идеи, во всем её многообразии, ухватывая всевозможные

её стороны. Поэзия в состоянии синтезировать различные противоположные тенденции, формируя при этом цельное оригинальное видение. На теоретическом уровне поэзия выступает как способ организации знания, как чувственно-рациональный, образно-понятийный элемент освоения мира. Таким образом, не только автор, но и читатель действует как координирующий центр эстетических ценностей. Теоретическое мышление и эстетическое восприятие сливаются воедино, где эстетический разум — часть практического разума.

Перечисленные нами атрибуты лирической поэзии в эстетике Ф. Шеллинга дают нам возможность свидетельствовать о том, что поэтическое творчество, как вид искусства, обладает возможностью через выразительность и яркость (красоту) сообщить глубину и единство истинно-сущего. Лирическая поэзия не позволяет оставаться только в рамках субъективных эмоций, которые будут получать выражение только в модусе чувства. Чувственный дробный опыт, являясь субъективным материалом поэзии, подвергается рефлексии (при этом не сухой и отвлеченной), что придает ему объективное значение и реальность. Лирика, приобщая человека к трансцендентному миру, не останавливается на пассивности воли. Ф. Шеллинг подчеркивает энергичность поэтического, стихотворение имеет свою энергию, интегрированную воображением, что и придает поэтическому оригинальность. При этом лирическое поэтическое произведение в своей изначальной поистине чувственно-мистической данности «таит» элемент «недосказанности», «недоговоренности». Подобный аспект не «только открывал дорогу» многообразным эстетическим концепциям, но и обеспечивал «уход» от жестких и строгих логических схем, что было особенно востребовано в XX веке, в эпоху кризиса одно-стороннего сциентизма и гипертрофированной роли рационального мышления в западной философии.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что лирическая поэзия в эстетике Ф. Шеллинга имеет целый ряд атрибутов, как формального, так и семантического свойства (то есть могут быть отнесены как к форме лирического текста, так и к его содержанию). Ф. Шеллинг исследует лирику, в единстве бинарной расчлененности как с формальной, так и содержательной стороны. Вместе с тем, анализ данных атрибутов интересен не только с позиции философии Ф. Шеллинга и его системы, но и с позиции последующих структуралистских и постмодернистских эстетических концепций, так как именно у Ф. Шеллинга, в толковании лирики, как таковой, выдвигается продуктивная философская диалектическая идея о внутреннем

единстве дивергентных чисто теоретических и эстетических элементов познавательного процесса в раскрытии истинно-сущего, где поэтический модус субъективно-объективной экзистенции важен не менее, нежели логический философский дискурс.

Список литературы:

1. Гилберт К., Кун Г. История эстетики. — М.: Прогресс, 2000. — 316 с.
2. Гуревич П.С. Философия культуры. — М.: Аспект-пресс, 1994 — 317 с.
3. Гуревич П.С. Эстетика. — М.: КНОРУС, 2011 — 456 с.
4. Кормин Н.А. Философская эстетика Вл. Соловьева. — М.: ИФРАН, 2001. — 187 с.
5. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. — М.: Искусство, 1991. — 701 с.
6. Шеллинг Ф. Философия искусства. — М.: Мысль, 1966. — 487 с.

2.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ОНТОЛОГИИ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

Гобрусенко Гелана Константиновна
аспирант философского факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
РФ, г. Москва
E-mail: gkgobrusenko@yandex.ru

ONTOLOGIES OF ACTOR-NETWORK THEORY

Gelana Gobrusenko
post-graduate student of philosophical faculty
Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются симметрические онтологии акторно-сетевой теории. Особое внимание уделяется сетевой модели Б. Латура и М. Каллона и ее ключевым принципам — принципу генерализованной симметрии, принципу ирредукции, принципу внутренних отношений, концепту перевода, материально-семантическому методу.

ABSTRACT

The article deals with symmetric ontologies of actor-network theory. Special attention is paid to the network model, which was developed by B. Latour and M. Callon, and its key principles — the principle of generalized symmetry, the principle of irreduction, the principle of internal relations, the concept of translation, the material-semantic method.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория; актант; взаимодействие; Б. Латур.

Keywords: actor-network theory; actant; interaction; B. Latour.

Одна из специфических черт, характеризующих положение дел в современной философии и культуре, выражается метафоричным

тезисом о «смерти субъекта», все чаще оказываемым тесно связанным в различных гуманитарных дискуссиях с почти гуссерлевским призывом вновь «обратиться к вещам». Смещение акцента с человеческого полюса классической субъект-объектной дихотомии на пограничные ситуации взаимодействия человеческих (humans) и нечеловеческих (nonhumans) агентов подразумевает принципиально иную перспективу исследования, в соответствии с которой человек является лишь одним из составных компонентов различных гетерогенных процессов и отношений. Отказ от традиционных концепций субъекта (трансцендентального, экзистенциального, социального и т. д.) и переориентация современной философии (в первую очередь, философии науки) на поиски новой концептуализации объекта, понимаемого предельно широко (от явлений природы до искусственно созданных артефактов), приводит к реактуализации онтологической проблематики, формированию принципиально нового взгляда на мироустройство, в котором субъективность становится не более, чем одной из составляющих. В связи с этим, особую остроту приобретает проблема построения моделей взаимодействия и организации неоднородных элементов — сознания и материи, общества и природы, humans и nonhumans.

Из множества попыток продуктивной реакции на вышеуказанную проблему особого внимания заслуживают два подхода, один из которых сформировался в рамках естественных наук, другой — начал свое развитие в социо-гуманитарных дисциплинах. В первом случае речь идет о концептуальных инновациях в синергетике, социобиологии и др., во втором — о так называемых «исследованиях науки» (science studies), совокупности междисциплинарных проектов в современной философии и социологии науки, сформировавшихся под влиянием постструктурализма и постпозитивизма. Среди второй группы концептуальных инициатив, представляющих для нас особый интерес, наиболее влиятельной на сегодняшний день является акторно-сетевая теория (actor-network theory, ANT), разработанная французскими социологами М. Каллоном и Б. Латуром, британским социологом Д. Ло и др. Именно в рамках акторно-сетевой теории и концепций-сателлитов (модель «валцы практики» Э. Пикеринга и концепция киборгов Д. Харавэй) были найдены наиболее яркие решения проблемы концептуализации взаимодействия и организации неоднородных элементов, humans и nonhumans. Сегодня акторно-сетевая теория представляет собой наиболее разработанный и наиболее последовательный проект симметрической онтологии в science studies и является одним из главных источников реактуали-

зации онтологической проблематики в современной философии науки. Целью нашего рассмотрения будет выявление ключевых принципов симметрической онтологии, разработанной ведущими теоретиками акторно-сетевого подхода — Б. Латуром и М. Каллоном.

В основе симметрической онтологической модели лежит принцип генерализованной симметрии, принцип ирредукции, принцип внутренних отношений, концепт перевода и материально-семиотический метод.

Принцип генерализованной симметрии представляет собой модификацию принципа симметрии британского философа Д. Блура для социологии науки, основное назначение которого заключалось в том, чтобы преодолеть разрыв между автономией знания и вторичностью социальных условий его производства, а также, чтобы ретроспективно не разделять знание на истинные утверждения и ошибочные при анализе научной полемики. М. Каллон преобразовал принцип Блура в принцип генерализованной симметрии, значительно расширив сферу его применения: «Цель теперь не только в том, чтобы объяснить конфликтующие точки зрения и аргументы в научных или технологических дискуссиях, используя одинаковые термины. <...> Мы требуем от наблюдателя использовать один и тот же репертуар при описании как природы, так и общественного» [5, р. 5]. Если в версии Блура одним и тем же способом описывались истинные и ложные точки зрения, то в редакции теоретиков акторно-сетевого подхода одинаковые терминологические конструкции применяются для различных видов агентов — субъектов и объектов, общества и природы, социума и технологии, humans и nonhumans.

Принцип генерализованной симметрии позволяет описывать объекты природы и технологии в тех же выражениях, что и поведение человеческих агентов. В симметрических онтологиях объекты («вещи») наделяются «человекоразмерными свойствами, такими как многопрофильность, открытость, нестабильность, историзм» [4], что позволяет им претендовать на роль активных действующих сил, наравне с людьми участвующих в создании мира. «Мы не должны верить заранее, что мы знаем, говорим ли мы о субъектах или объектах, людях или богах, животных, атомах или текстах, поскольку именно это поставлено на карту между силами: кто говорит и о чем?» [7, р. 167].

Принцип генерализованной симметрии выражает антиэссенциалистскую позицию большинства представителей акторно-сетевого подхода, которая заключается в том, что действующие силы не имеют свойств самих по себе, и все наши предположения об их сущности

(какие из них относятся к обществу, какие — к природе), производимые до начала их взаимодействия, не имеют смысла. Сущности сами определяют себя во взаимодействиях друг с другом, и исследователь должен быть готов к тому или иному варианту развития событий. Но в той стадии, когда взаимодействие ещё не состоялось, все его участники равно не определены и не соизмеримы, и, как следствие, несводимы друг к другу. Таким образом, принцип симметрии дополняется принципом ирредукционизма: «Ничто само по себе не является редуцируемым или нередуцируемым к чему-либо ещё» [7, p. 158]. Как и принцип симметрии, принцип ирредукционизма является выражением позиции радикального агностицизма, допускающей, что взаимодействующие сущности изначально не определены и могут оказаться кем (или чем) угодно.

Поиски новой концептуализации нечеловеческой активности привели теоретиков акторно-сетевого подхода к отказу от целого ряда терминов, таких как «субъект», «объект», «индивид», «агент» и т. п. Для исключения антропоцентричных коннотаций из семиотики А.Ж. Греймаса был позаимствован термин «актант». «Актант понимается как предмет или существо, совершающее действие или подвергающееся воздействию» [1, с. 105]. Как уже было сказано Латур и его сторонники занимают жёсткую антиэссенциалистскую позицию, поэтому ни один актант сам по себе не обладает никакими сущностными свойствами, он может сформироваться тем или иным образом (принять ту или иную форму) только в процессе взаимодействия с другими актантами (в «испытаниях сил» (trials of strength) в терминологии Латура). Таким образом, идентичность актанта является неустойчивой и нестабильной, требуя постоянного участия в тех или иных взаимодействиях, в противном случае, актант может прекратить свое существование.

Для анализа интеракций, происходящих между различными актантами, Латур и его последователи используют понятие сети. Для классической социологии была характерна дихотомия структуры и социального агента. Как следует из названия акторно-сетевой теории проблема взаимоотношения актора и сети имеет для нее фундаментальное значение, поэтому ее сторонники на новый лад воспроизводят структуралистский тезис о детерминированности значения элемента структуры отношениями, в которых он состоит с другими элементами. Руководствуясь постструктуралистской критикой основных положений структурализма, акторно-сетевая теория настаивает на множественности и динамичности структур, а также на детерминации свойств актанта его местом в структуре отношений с другими актантами.

Как замечает Латур, вне системы связей, в которых состоит актант, свойства его не определены настолько, что едва ли можно говорить о его существовании (см., например, [7, р. 166]).

Для исследования различных связей между актантами, как семиотических, так и материальных Латуром и Каллоном был разработан так называемый материально-семиотический метод. Латур предлагает материальную интерпретацию теории фреймов И. Гофмана, определяя фрейм как то, что локализует взаимодействия между актантами с помощью различных препятствий, в первую очередь, материальных. Таким образом, фрейм становится «редуктором интеракции» [1, с. 105]. По мнению Латура, локализованные взаимодействия связываются друг с другом через объекты в пространстве и времени и образуют «сеть с множеством различных дат, мест и людей» [3, с. 176].

Для объяснения сетевых отношений между актантами теоретики акторно-сетевой подхода используют концепт перевода, смысл которого состоит в том, что актанты могут образовывать ассоциации, устанавливая между собой отношения тождества или эквивалентности, когда один актант может равняться нескольким. Концепт перевода можно пояснить с помощью метафоры «смещения» (displacement), которое может быть, как семиотическим (изменение значения), так и материальным (перемещение в пространстве). Один из ключевых тезисов ANT состоит в том, что не существует тождеств или различий самих по себе, существуют только процессы перевода, т. е. процессы установления тождественности и дифференциации между различными актантами. Таким образом, идентичность актантов напрямую зависит от того, с какими силами он взаимодействуют, поэтому без апелляции к отношениям с другими актантами его сущностные характеристики проследить и определить невозможно. В этом и состоит основной принцип, на котором базируется акторно-сетевая теория: отношения предшествуют сущности и обладают онтологическим приоритетом, поэтому любые категориальные различия, как и онтологический статус того или иного объекта, являются не более, чем эффектом взаимодействия.

Каждый актант может трансформировать установившиеся отношения, но способность к действию не является его внутренним свойством, а приобретается во время взаимодействия с другими актантами. Соответственно, актант никогда не является единственным источником действия, его действие всегда санкционировано другими актантами. Отсюда главный тезис акторно-сетевой теории, что любой актор есть сеть. Но с точки зрения теоретиков ANT этот тезис скорее негативный, чем позитивный, потому что мы не можем исходить

из понятий актора и сети изначально. В отличие от стандартных онтологий мы не можем изначально провести различия между «реальным» и «нереальным», «реальным» и «возможным», «реальным» и «воображаемым». Мы скорее можем говорить о различиях между теми, «кто сопротивляется длительное время и теми, кто этого не делает, между теми, кто сопротивляется отвержено, и теми, кто нет, между теми, кто знает, как вступить в союз или изолировать себя, и теми, кто этого не знает» [7, р. 159].

С другой стороны, признание гетерогенных взаимодействий в качестве изначально данности требует введения ряда дополнительных, взаимосвязанных между собой, онтологических предпосылок. Уже само понятие взаимодействия отсылает к ряду других для экспликации собственных признаков, поскольку отдельное взаимодействие не может быть понято из самого себя. Например, оно разворачивается в определенном пространстве-времени и предполагает определенное направление действия и его границы. Соответственно, для концептуализации взаимодействия необходимо введение пространственной метафоры. Особая трактовка пространства, разработанная теоретиками акторно-сетевого подхода, позволяет рассматривать взаимодействие как пространственную конфигурацию (это следует, к примеру, из расшифровки понятия перевода с помощью метафоры смещения). В сочетании с онтологическим допущением неоднородности пространственная конфигурация не может быть рассмотрена как единственная и универсальная. Таким образом, неоднородность может постулироваться только в своей связи с множественностью, это дополняющие друг друга положения, поэтому можно утверждать, что онтологическая предпосылка ирредукционизма возможна только в сочетании с онтологическим допущением множественности действующих сил, неоднородных по своим параметрам, но взаимосвязанных посредством распределенных локальных взаимодействий.

Онтологический статус актанга в такой реляционной модели историчен и каждый раз определяется степенью стабилизации, т. е. той позицией, которую актант занимает в процессе взаимодействия. Он может изменяться в соответствии с динамикой взаимодействия, каждый раз оказываясь уникальным, поэтому сущность актанга не может быть жестко задана как некоторый набор характеристик, это, скорее, траектория, соединяющая различные позиции в сети отношений, для каждой из которых будут характерны те или иные параметры. Для иллюстрации этого тезиса можно привести следующее, весьма наглядное латуровское описание вакуума: «Нам нет нужды выбирать между вакуумом, действительностью внешней природы, сущность

которой не зависит от человека, и вакуумом — репрезентацией, для определения которой западным мыслителям потребовались целые столетия. Или скорее мы можем выбрать между двумя субстанциями только, когда они будут стабилизированы. О самом нестабильном вакууме, полученном в лаборатории Бойля, мы не можем сказать, является ли он природной или социальной сущностью, но знаем только то, что он искусственным образом возникает в лаборатории. Вакуум может быть артефактом, изготовленным человеческими руками, пока он не превратится в вакуум, который начинает становиться реальностью, ускользающей от человека. Что же тогда вакуум? Ничто из выше перечисленного. Сущность вакуума — это траектория, соединяющая эти позиции. Иначе говоря, сопротивление воздуха имеет свою историю» [2, с. 158]. Перевод, как главный источник возрастания или убывания показателя степени стабилизации, определяет, кто (или что) именно претерпевает изменения, а потому может быть рассмотрен как своеобразный принцип индивидуации, который в то же время неизбежно «растворяет» каждого актора в сети взаимодействий.

Подводя итог нашего рассмотрения, выделим ряд основных черт, характеризующих симметрическую онтологию, предложенную акторно-сетевым подходом. Во-первых, это множественность и неоднородность. Согласно ANT, существует множество актантов, сущность которых неопределенна до тех пор, пока они не начнут участвовать во взаимодействиях друг с другом. Только после взаимодействия можно говорить о том, что актант является человеком, механизмом или животным. Во-вторых, это локальность (ситуативность) и становление. Происходящие между актантами испытания сил всегда разворачиваются в конкретном месте и времени, при этом поддержание идентичности каждого из участников взаимодействия требует постоянных усилий по определению через других актантов, т. е. можно говорить только об определенной степени стабилизации сущности каждого из них.

Разработанный Б. Латуром и М. Каллоном проект симметрической онтологии повлиял на развитие множества родственных подходов к изучению «смешанной» реальности, в том числе и в рамках ANT. Несмотря на то, что многие из них базируются уже не только на семиотике и постструктурализме, но и на экзистенциализме и феноменологии (например, на философии телесности М. Мерло-Понти), концептуальных разработках М. Фуко, философии процесса А. Уайтхеда и пр., ключевыми для них остаются принцип симметрии в понимании природы вещей и онтологический приоритет отношений.

Как и в сетевой модели, в этих подходах онтологический статус закрепляется за гибридными формами реальности, в которых стерты какие-либо границы между онтологически различными регионами бытия, поскольку те пребывают в непрерывном взаимном становлении по отношению друг к другу. В качестве наиболее ярких примеров таких симметрических онтологий в рамках самой АНТ можно выделить социальную топологию Д. Ло, а среди концепций-сателлитов — онтологическую модель «вальцов практики» Э. Пикеринга и концепцию киборгов и видов-компаньонов Д. Харавэй.

Список литературы:

1. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Т. 4. 2005. № 1, С. 94—115.
2. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006, 240 с.
3. Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей. — М.: Издательский дом «Территория Будущего», 2006, С. 169—199.
4. Столярова О.Е. Социальный конструктивизм: онтологический поворот (послесловие к статье Б. Латюра) // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия, 2003. № 3. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?archive=0217&id=1109087473&start_from=&subaction=showfull&ucat= (Дата обращения 16.06.2015).
5. Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and Fishermen of Saint Brieuc Bay. // Law J. (Ed.) Power, Action and Belief: a new Sociology of Knowledge? London, 1986, P. 196—233.
6. Latour B. Pandora's hope: essays of the reality of science studies. Cambridge: Harvard University Press, 1999, 336 p.
7. Latour B. The Pasteurization of France. Cambridge: Harvard University Press, 1988, 292 p.

СЕКЦИЯ 3.

ИСТОРИЯ

3.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ПОЛЬСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В СРЕДЕ ТАМБОВСКОГО ДВОРЯНСТВА В КОНЦЕ XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Шестаков Максим Валерьевич

*канд. ист. наук, доц., Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Тамбовский филиал РАНХиГС,
РФ, г. Тамбов
E-mail: shestakov-mv@yandex.ru*

THE POLISH ELEMENT IN THE ENVIRONMENT TAMBOV NOBILITY AT THE END OF XVIII — MIDDLE OF XIX CENTURY

Maxim Shestakov

*cand. east. sciences, associate Professor, Russian Academy of national
economy and public administration under the President of the Russian
Federation, Tambov branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Tambov*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена малоизученной странице истории тамбовского дворянства конца XVIII — середины XIX века. В центре исследования польский элемент в среде тамбовского дворянства, игравший наиболее важную и значимую роль и который изначально составлял ядро этой этнокультурной общности. Показано, что потомственные дворяне Тамбовской губернии конца XVIII века, которые были женаты на представительницах польской нации, являлись мелкопоместными

дворянами, служба которых проходила в воинских частях, расположенных на границе с Речь Посполитой.

ABSTRACT

The article is devoted to little known page of the history of the Tambov nobility of the end of XVIII — middle of XIX century. In the research centre of the Polish element in the environment Tambov nobility, who played the most important role and which originally formed the core of this ethno-cultural community. It is shown that hereditary noblemen of the Tambov province in the late eighteenth century, who were married on the representatives of the Polish nation, were landed nobles, the service which was held in military units located on the border with the Commonwealth.

Ключевые слова: Тамбовская губерния, тамбовское дворянство, польский элемент.

Keywords: Tambov region, Tambov nobility, Polish the item.

Этническое многообразие — одна из характерных особенностей нашего времени. Именно сегодня вопросы этнической принадлежности в связи со стремлением ряда народностей к самоопределению, звучат, как никогда актуально и остро. Этот процесс чаще всего сопровождается международными конфликтами, возникающими достаточно часто на религиозной почве и перерастающими чаще всего в вооруженное противостояние противоборствующих сторон, с общим подъемом религиозности населения.

Процесс глобализации, а также поиск точек соприкосновения, диалога в этом противостоянии — одна из главных задач современного общества. Поэтому именно исследование данной проблемы и различных ее аспектов, обращение к богатому опыту прошлого обосновано и, несомненно, является актуальным.

Российская Федерация в контексте этой проблемы, страна с весьма богатым, хотя и противоречивым опытом межэтнического сосуществования своего многонационального населения на протяжении нескольких столетий. Одним из частных, но одним из важных аспектов данной проблемы в истории отечества, а также в ее нынешнем положении является сложный, а порой противоречивый характер русско-польских взаимоотношений.

Выбор тематики данной статьи обусловлен и существованием, хотя и не очень многочисленной польской общности на территории, традиционно считавшейся моноэтнической российской «глубинкой», каковой принято считать территорию Тамбовской губернии. Следует также отметить, что в данной статье исследуется не вся «польская»

общность, проживавшая на территории Тамбовской губернии, а лишь ее дворянская, однако наиболее важная и значимая часть, которая изначально составляла ядро этой этнокультурной общности.

Более того, объектом нашего изучения является не только тамбовское дворянство польского происхождения, католического вероисповедания, но и ее православная, «обрусевшая» часть. Поэтому основным признаком отнесения исследуемой части дворянского сословия Тамбовской губернии к «польскому дворянству» является происхождение, принадлежность к известным польским дворянским фамилиям, независимо от их устойчивости в исходной (католической) конфессии.

Сразу стоит оговориться, что мы понимаем под понятием «дворянство польского происхождения». Данное понятие включает в себя не только польских дворян в узко-этническом смысле, т. е. этнических поляков. Имеется в виду вся совокупность «полонизированного» дворянства бывшей Речи Посполитой: литовского, литовско-татарского происхождения, т. е. представители «благородных» родов татар, оказавшихся в свое время на службе у Великого князя Литовского; русского «полонизированного» дворянства, в первую очередь проживавшего на территории будущих Смоленской, Минской, Витебской и других губерний; дворянство польско-белорусского, литовско-белорусского и польско-малороссийского происхождения, обычно «украинизированных» польских дворянских фамилий, осевших в XVI—XVIII веках в Малороссии.

Основным источником по изучению польского элемента в среде тамбовского дворянства в конце XVIII — первой половине XIX в. послужили «Списки дворян Тамбовской губернии» за 1788 г. [3] и 1834—1837 гг. [4], содержащиеся в фонде 161 «Тамбовское губернское дворянское депутатское собрание» Государственного архива Тамбовской области [12].

В качестве определяющего признака отнесения тех или иных родов тамбовского дворянства к дворянству польского происхождения служит факт прямого указания на их происхождение в архивных источниках. При отсутствии же этих сведений — присутствие их в фамильном списке польского дворянства, принадлежность к которому определялась приобретением польско-литовского герба. Хотя на протяжении всего XVIII века имели место случаи необоснованного присвоения какого-либо польско-литовского герба тем или иным дворянским родом, в большинстве случаев геральдические признаки свидетельствовали о действительной принадлежности

данного дворянского рода к польской или литовской дворянской фамилии или о его сильной полонизации.

Согласно данным «списков дворян», в 1788 г. в Тамбовской губернии проживало 6 семей потомственных дворян, в которых в качестве супруги главы семьи проживали женщины польского происхождения. Например, мелкопоместный дворянин подпоручик в отставке А.С. Андреянов (36 лет), проживавший в 1788 г. в Тамбовском уезде в селе Липовица, был женат на «вольной девице польской нации» [5] Афимье Степановне Крупицкой, от которой имел детей: Федора 12 лет, Агафию 9 лет и Анну 2 лет. Другой мелкопоместный дворянин секунд-майор А.С. Филатов (54 лет), служивший в 1788 г. в городе Тамбове в губернском магистрате секретчиком, также был женат на «иностранке польской нации» [6] Любове Павловне Канышевой, от которой имел детей: Петра 8 лет, Ивана 2 недели и Софью 6 лет [7]. Также мелкопоместный дворянин поручик И.О. Белов (40 лет), в 1788 г. занимавший должность расправного судьи в городе Спасске, состоял в браке с Аграфеной Федоровной «польской нации шляхетке» [8] и совместно воспитывал детей: Константина 7 лет, Ивана 6 лет, Николая 2 лет, Анну 11 лет и Марью 10 лет. Мелкопоместный дворянин капитан в отставке Василий Михайлович (38 лет) в 1788 г. также состоял в браке с Викторией Осиповной Наврецкой — «польской шляхетке» [9]. Более того, его родной брат поручик в отставке Дмитрий (25 лет) был женат на Татьяне Андреевне Плавенской. Мелкопоместный дворянин подпоручик Н.Д. Комаров, служивший в 1788 г. уездным стряпчим в городе Елатье, состоял в браке с Марьей Борисовной «польской нации шляхетке» [10]. И, наконец, мелкопоместный дворянин капитан в отставке П.В. Перваго (38 лет) в 1788 г. «был женат польской нации на Прасковьи Федоровне» [11] и проживал в Лебедянском уезде в селе Шовском.

Таким образом, все потомственные дворяне Тамбовской губернии, которые были женаты на представительницах польской нации, являлись мелкопоместными дворянами. В связи со скудным материальным положением их военная служба проходила в воинских частях, расположенных в отдаленных губерниях Российской империи, граничащих с Речь Посполитой, например, в Смоленской, Минской, Витебской и др. В них компактно проживали представители польских дворянских фамилий, с дочерьми которых российские дворяне знакомились, а впоследствии заключали браки. При заключении брака девушки-дворянки переходили в православие и подвергались быстрому «обрусению», сохраняя подчас лишь память о фамилии

предков и принадлежность к старому польскому гербу. Это обстоятельство благоприятствовало сглаживанию процесса адаптации дворян католического вероисповедания к местному «православному» быту. Другим менее популярным способом знакомства российских дворян и заключения брака с представительницами польских дворянских фамилий являлись всевозможные балы и ассамблеи, проходящие, как правило, в Санкт-Петербурге и Москве. Именно в эти города на зимний период и съезжалось польское дворянство.

Что касается, «списков дворян Тамбовской губернии» за 1834—1837 гг., то в них представители польских дворянских фамилий отсутствуют. Это связано с тем, что в первой половине XIX в. доля вновь поселившихся на территории Тамбовской губернии польских дворянских семей, по сравнению с концом XVIII века значительно уменьшилась. Однако из других источников нам становится известно, что в первой половине XIX в. некоторые представители польских дворянских родов, поселившихся на территории Тамбовской губернии в XVIII в., начинают играть важную роль в организации тамбовского губернского дворянского общества. Например, Е.С. Хвоцинский в 1810—1816 гг. и в 1819—1828 гг., В.И. Колтовский в 1828—1834 гг. являлись предводителями дворянства Козловского уезда; Ф.И. Туровский в 1821—1825 гг. — Липецкого уезда; Н.И. Карачинский в 1837—1840 гг. и А.И. Карачинский в 1840—1851 гг. — Елатомского уезда; К.А. Шиловский в 1851—1857 гг. — Моршанского уезда [13]. Эти должности предусматривали, что на них на уездных дворянских собраниях будут избираться среднепоместные и крупнопоместные дворяне.

С открытием в городе Тамбове Александринского института благородных девиц дворяне-католики польского происхождения начинают преподавать в нем. Закон Божий для воспитанниц католического вероисповедания преподает ксендз Бабкевич [2].

И, наконец, из адрес-календаря за 1855 г. [1] нам становится известно, что некоторые представители польских дворянских родов в середине XIX в. уже руководят административными учреждениями Тамбовской губернии. Например, в 1855 г. в Тамбовской губернии младшим помощником по особым поручениям при Тамбовском гражданском губернаторе был коллежский регистратор Н.И. Беликович, в Тамбовском губернском правлении служили статский советник И.П. Дубецкий, губернский секретарь А.Г. Мачильский, а губернским прокурором являлся коллежский секретарь И.А. Навроцкий. В казенной палате служит надворный советник П.И. Любавский,

коллежский секретарь А.А. Алтанский, а в палате государственных имуществ — коллежский асессор И.Ф. Ракшинский.

Список литературы:

1. Адрес-календарь за 1855 г.: В 2-х частях. — СПб., 1855. — С. 159—162.
2. Верещагин П. Исторический очерк Тамбовского Александринского института благородных девиц [Текст] / П. Верещагин // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XXXVIII (38). — Тамбов, 1893. — С. 57—100.
3. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—73; Д. 16. Л. 1—101; Д. 17. Л. 1—101; Д. 18. Л. 1—44; Д. 19. Л. 1—59; Д. 20. Л. 1—42; Д. 21. Л. 1—36; Д. 22. Л. 1—158; Д. 23. Л. 1—47; Д. 24. Л. 1—32; Д. 25. Л. 1—42.
4. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. 3123. Л. 1—164.
5. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.
6. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.
7. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 22. Л. 32.
8. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.
9. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 19. Л. 26.
10. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.
11. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.
12. Подробнее о «списках дворян Тамбовской губернии» см.: Шестаков М.В. «Алфавитный список дворян Тамбовской губернии...» как источник по изучению социальной истории провинциального дворянства конца XVIII — первой половины XIX в. [Текст] / М.В. Шестаков // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII — XX вв.: Мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.) / Отв. ред. В.В. Канищев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. — С. 105—110; Шестаков М.В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. (на материалах Тамбовской губернии) [Текст]. / М.В. Шестаков. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Тамбов, 2006. — 365 с.
13. Список предводителей дворянства Тамбовской губернии // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XLVII (47). Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства. Том. 1. (с гербами, портретами и таблицами). Составил Норцов А.Н. — Тамбов, 1904. — С. 447—455.

3.2. ЭТНОЛОГИЯ

«ЗНАМЕНА, ПОЧЕМ ПОЗНАВАТЬ В ЧЕРТЕЖЕ КАКИЕ МЕСТА» (К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ МОГИЛЫ ЕРМАКА)¹

Белич Игорь Владимирович

*научный сотрудник Лаборатории антропологии и этнологии
Института проблем освоения Севера СО РАН,
РФ, г. Тобольск
E-mail: belich58@mail.ru*

“SIGNS, HOW MUCH KNOW WHAT PLACES IN THE DRAWING” (THE QUESTION OF GRAVE LOCATION BY ERMAK)

Igor Belich

*researcher, Laboratory of Anthropology and Ethnology Institute
of Northern Development SB RAS,
Russia, Tobolsk*

АННОТАЦИЯ

В статье с целью воссоздания расположения известных с XVI—XVII вв. селений и кладбищ татар края, применяя картографический метод вместе с методами исторического исследования, получены надежные результаты. Достоверность их заверена данными из исторической литературы, трудов ученых и полевых работ автора. Помеченные Ремезовым красным крестом ряд кладбищ — давние некрополи с *астана* — могил мусульманских святых. «Кладбище Ермаково» в этом ряду. Тезис С.В. Бахрушина 1916 г., что «*святая*

¹ Публикации данной статьи ее автор обязан бескорыстной помощи Василия Николаевича Савуляка — предпринимателя города Тобольска, за что выражает ему искреннюю благодарность.

могила» на Баишевском кладбище «была приурочена к имени Ермака», признан более верным.

ABSTRACT

The article with the aim of recreating the location known to XVI—XVII centuries settlements and cemeteries Tatar region, using the cartographic method, together with the methods of historical research, reliable results. The reliability of their certified historical data from the literature, works of scientists and field work of the author. Noted Remezov red cross several cemeteries — old necropolis with *astana* — the tombs of Muslim saints. “*Cemetery Yermakovo*” in this series. Thesis S.V. Bakhrushin 1916-th that “*the Holy Grave*” on Baishevskom cemetery “*was dedicated to the name of Ermak*”, recognized more accurate.

Ключевые слова: «Хорографическая чертежная книга»; исторические селения, некрополи и мавзолеи святых (*астана*) сибирских татар; «кладбище Ермаково».

Keywords: “Horograficheskaya drawing book”; historic villages, cemeteries and mausoleums of saints (*astana*) of Siberian Tatars; “*Yermakovo cemetery*”.

Данная статья — часть очерка «Объекты историко-культурного наследия сибирских татар в отражении «Хорографической чертежной книги» (1697—1711) С. Ремезова»². Речь пойдет в основном об объектах наследия сибирских татар, называемых *астана* (перс. «могила святых») — мавзолеев подвижников ислама [10, с. 14—20; 15] в контексте с легендарной могилой Ермака. Поэтому особое внимание уделим местонахождению исторических некрополей ряда поселений татар края, известных с эпохи Сибирских ханств. Но вначале придется все же ввести в курс связанной с могилой атамана проблемы.

Эту проблему заронил еще Г.Ф. Миллер. Следуя за «Историей Сибирской» Ремезова, взятой им за основу его «Описания Сибирского царства», в связи с местоположением могилы Ермака он в 1750 г. писал: «Они (татары) погребли его (Ермака — И.Б.) на *бегшиевском кладбище под кудрявою сосною* (тут и далее курсив мой — И.Б.)». Но этот сказ Ремезовской летописи приурочен к другому месту:

² Первая часть предваряет постановку проблемы о месторасположении могилы Ермака, вызванной в 1750 г. Г.Ф. Миллером и развитой к середине XX в. С.В. Бахрушиным, и предлагает ее решение [16].

«И нарекоша его богом и погребоша по своему закону на *Баишевском кладбище под кудрявою сосною*», — сказано в подверженной влиянию преданий сибирских татар статье 112 [26, с. 193; 34, с. 346]. Оно названо и в статье 118: «Ермак же ваш лежит на *Баишевском кладбище под сосною*», — как писано в «7159 году сентября в 4 день... сказке» Аблая, что испросил Ульян Ремезов, будучи в составе посольства, привезшего в 1658—59 г. «в жалованье» *тайше* «Ермаков пансырь» [34, с. 348]. Почему Миллер, видевший юрты Бегишевские, в путевом описании 1734 г. не сказал о том? А о кладбище «аула Баиш» изрек: «В полуверсте от этой деревни находится *Astuna*, где погребен *татарский святой*» [28, с. 81], первым в историографии Сибири применив термин *астана* к названию мавзолеев мусульманских святых у сибирских татар [33, с. 21].

С.В. Бахрушин в статье 1916 г., разбирая «туземные легенды» в летописи Ремезова, а именно с этой статьи в круг его научных интересов вошла история Сибири, полагал: «*Могила* одного такого *святого*³... на *Баишевском кладбище* пользовалась, видимо, в XVII веке суеверным почитанием среди магометан... Очевидно, впоследствии уже под влиянием русских, *безымянная святая могила была приурочена к имени Ермака*». Но в примечании к § 72 «Истории Сибири» Миллера, повествующем об этом, в 1937 г. он счел иначе: «*Бегишево (Баишево) кладбище* или *Бегишев погост* пользовался большим почитанием у татар в XVII в.; суеверный культ был связан со стоявшим на нем *мавзолеем шейха Хакима*» [6, с. 21; 27, с. 494]. Почему он изменил свое мнение и так завуалировано, что до сих пор непонятно место, где «погребли» Ермака: не то на «Бегишево», то ли «Баишево кладбище» или же — «Бегишев погосте»?

Ответ на вопрос, почему оба ученых, отойдя от первоисточника, указали место неверно, решен в упомянутой в сноске статье [16]. Ряд исследователей допускают, что этим местом является кладбище аула Баиш [37, с. 282; 31, с. 129; 7, с. 67; 8, с. 88]. Причем, по мысли автора этих строк, Баишевское кладбище стало «последним приютом героя» (Окладников) только в силу *контаминации образа Ермака* с культом именитого *мусульманского святого* [9, с. 21]. Однако археологи Тобольска, исходя из «Описания» Миллера и полагаясь на «План» 1806 г. землемера В. Филимонова, использовавшего тот же источник,

³ Здесь С.В. Бахрушин и апеллирует к фразе летописца: «И нарекоша его богом» [6, с. 21, прим. 3].

местами переиначив и исказив его [14], начали искать могилу атамана в районе старых Бегишевских юрт. В итоге: «в ходе работ 2014 г. могилу Ермака обнаружить не удалось» [2, с. 282], что и следовало ожидать.

Определимся с местонахождением этих юрт в XVII в. Баиш-аул стоит так же у дороги, что с середины XVII в. «шла от Тобольска вверх по Иртышу мимо Абалацкого села, Каурдатского и Тебендинского острогов к Усть-Ишимскому острогу» [18, с. 55] — ответвление Старо-Омского тракта, ныне идет до Абаула. Бегишевские юрты (*Тубысы*) были тогда вдалеке от него — на берегу Иртыша и оз. *Тубысы бурэн*. Как раз мимо «Толbose-aul, по-русски Бегишевские юрты, на восточном берегу» на истоке «из Бегишевского озера (Tobose-buren) в 100 саж от Иртыша как зимними, так и летними жилищами», в мае 1734 г. *проплыл* Миллер [28, с. 80]. Между оз. Бегишево на берегу Иртыша «Тоболсуба или Бегишевы» юрты отметил Ремезов на чертеже «*Иртыш река. Глава 29*» [38, л. 82]. Стало быть, Баиш-аул в XVII столетии, как и теперь, отстоит верст на 25 от бывших Бегишевских юрт вверх по Иртышу.

«То место сейчас называется «*Иске авыл*, — рассказывают старожилы юрт Бегишевских, — Сохранилось кладбище в местечке *Косыклы куль* (Кедровое озеро)». Из-за наводнений люди перешли, «где сейчас стоит д. Бегишевская... Рядом оз. *Тубысы бурэн*» [30, л. 33; 4, с. 26]. Местные аксакалы помнят многое. Например, что «на горе Уба, где сейчас... с. Бегишево, во время боев с казаками Ермака стояли пушки, приведенные Бегишем из Казани» [30, л. 32; 4, с. 26]. Но о могиле Ермака у бывших юрт Бегишевских никто так и не смог вспомнить ни аспирантке Г.М. Ниязовой в начале 2000-х гг., ни мне лет 25 назад. Не только аксакалы нынешней д. Бегишевские юрты, но и соседних аулов в 1970—1980-е гг. понятия не имели, где похоронен Ермак.

Даже в дозорных, переписных книгах и подрядных записях, где отражено межевания земель Тобольска с уездом, начиная с 1623, 1635, 1623—1684 гг., этих сведений нет. Но, есть отрывки, относящиеся к Бегишевскому и Баишевскому участкам [19, с. 58—60; 61—62]. Если что и было, непременно вписали, но, увы. Неужели не слышали о могиле Ермака — до 1623 г. минуло всего полвека? И вот когда топографы межевали в окрест тех мест землю в конце XVII века, изограф изыскал сведения о ней. Среди русских деревень, сел — «*погостов*», татарских летних и зимних юрт оно обозначено в «Хорографической книге» — *первом географическом атласе Сибири* [21, с. 177—190; 12, с. 82—89] (Рис. 1).

Это место Ремезов четко отобразил на чертеже «*Иртыш река. Глава 29*» за «*Баишевы [юрты]*» красным четырехконечным крестом

с надписью «кладбище Ермаково», изобразив и «кудрявую сосну» (Рис. 2). Но, почему «кладбище», а не могила, не погост, как тот же «п [овост] Бегиевской», что означен им красным кругом с крестом сверху, помечая так русские села с церквями или часовнями при погостах⁴ — загадка? Разгадав ее, уверяю, найдем ответ и на этот вопрос, а также разрешим проблему целиком.

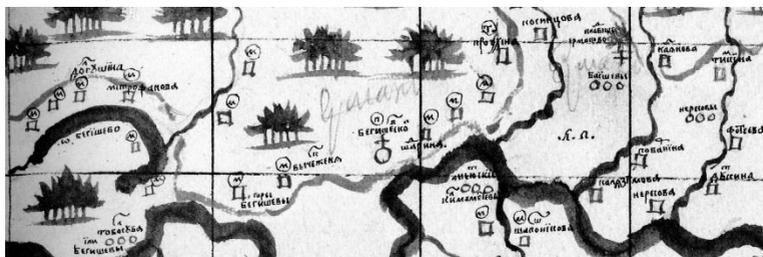

Рисунок 1. Чертеж С. Ремезова «Иртыш река. Глава 29». Фрагмент, конец XVII в.

Рисунок 2. Чертеж С. Ремезова «Иртыш река. Глава 29». Деталь: «кладбище Ермаково»

⁴ Погосты — центры областей на Руси в X—XV вв., где пребывали наместники князя, куда свозили дань с окрестных селений, а также и торговые центры, оттого и произошло их название: от слова «гостыба» — «торговля». С утратой роли административно-торговых центров, они сохранили культовый смысл: на погосте была церковь, а при ней — кладбище и погост стал его синонимом и бытовал в этом смысле в XVIII—XIX вв.

Хотя русских сел 1580-х гг. не было, а *повόстами* изограф отмечал на чертежах таковы, некто пытался ее угадать в XIX веке, сделав карандашом надпись, «*Ермака [могила]*» над «*п [овост] Бегиевской*», затем зачеркнул и вывел вновь там, где изограф указал «*кладбище Ермаково*». Аноним метался в определении расположения могилы атамана между *Бегиевским погостом* и *Башиевским кладбищем*, но предпочел второе — интуиция? Отнюдь — дело в нижней вклейке к листу 82 чертежу⁵ «*Иртыш река. Главы 29*» с текстом конца XVIII или конца XVIII — начала XIX в. [21, с. 181; 39, с. 105]⁶.

«*При взятии Сибирского царства от владетеля татарского в Российское государство прежде бывших царей более дву сот лет, воином Ермолаем Тимофеичем со дружиной ево, которой при сражении при устье реки Вагая... утонул. А по описанию в 7205 (1696 — И.Б.)⁷ году по повелению Государя и самодержца Петра Алексеевича всея России табольскому сын-боярскому Сенке Ульянову сыну Ремезову, коим по описи ево значит на плане по главе 30-й, погребено тело мертвое дружиной ево выше повоста Бегиевского на горе на мысу под бо [ль]шей сосной, близ юрт Башиевых при речке Башкурке по течению на левой стороне на мысу горы и поставлен крест*» [38, л. 82; 39, с. 105; 21, с. 181].

Попробуем разгадать эту загадку, воспользовавшись условными знаками, или «*Знаменья, почем познавать в чертеже какие места*». 35 из них Ремезов развил и использовал в «*Хорографической*» [11, с. 147; 38, л. 9; 79] и прочих чертежных книгах. В гранях «*Сибирского царства*» некрополи «*чюдские*»⁸ он означал обычно черным крестом мальтийского типа. Как, например, при «*с. Евлуторка*» на «*чюдском городище*». Но кладбища татарские помечал всегда простым красным крестом: как на «*мыс Саусканской*»

⁵ Номера листов указаны по факсимильному изданию рукописи.

⁶ Соглашусь с Л.А. Гольденбергом: по почерку и, добавлю, содержанию текста: с взятия Сибири минуло «более дву сот лет» ясно, что писан текст в 1780—90 гг. В начале XIX в. его автор указал бы точнее: более 230 и т. п. — это событие было еще близко ему как человеку той эпохи.

⁷ Указ Петра I датирован 1696 г. Но это «описание» Ремезов составил в 7206 /1697 г. [27, с. 7; 21, с. 179].

⁸ Под «чюдью» С.У. Ремезов «понимал сибирские народы до принятия ими ислама». А «древние доисламские городища» противопоставлял таковым «татарским, существовавшим во время войн Ермака» [38, с. 44].

или при «оз. Байкал» между неизвестными юртами и «Бабабасанские л [етние]» юртами; такой же пометой с надписью «кладбище» — за «ю [рты] Турбинские» или «кладбище Она царя» (Рис. 3) и т. д. [38, л. 12; 18; 80; 107].

Рисунок 3. Чертеж Ремезова. «Ишим река. Глава 34».
Деталь: «Кладбище Она царя. Астана»

Особо замечу: все эти «кладбище» — *нерядовые некрополи*. По Ремезовской летописи «*мыс Саусканской*» — «царское кладбище». Здесь «прежние ханы, как говорят, хоронили членов своих семей», — вторит ей и Миллер [34, с. 336; 27, с. 235], точнее, князей Тайбугидского княжества. По данным В.В. Храмовой 1949 г.: «Вниз по Иртышу есть мыс (Саусканский — И.Б.), где, по преданию, тоже *схоронен хан* и, проезжая мимо, татары *бросают в воду деньги, кольца и проч.* Ханское кладбище — *астана*; кладбище вообще — *масарга*» [23, л. 53] (Рис. 4).

Конечно, под этими бескровными жертвоприношениями должно иметь в виду почитание святых, т. к. именно мусульманские святые — *авлия* здесь — на *астана* и покоятся. Как *астана* оно по моим полевым данным слыло до 1980-х [7, с. 64—70]. Но еще в 1861 г. явно к *сейиду* или *ходже*⁹ из юрт Саусканских, по словам И. Юшкова, «татары соседственных деревень такое питали уважение, что,

⁹ Почетные титулы в исламском мире: *сейид* — прямые потомки Пророка, *ходжа* — первых 4-х халифов 'Османа, 'Али, Абу-Бекра, 'Омара.

встречаясь с ним на улице, снимали перед ним шапки за несколько сажен и низко кланялись, считая его святым, не смели перейти ему дороги, не только заговорить с ним, прежде, нежели он сам начнет разговор» [7, с. 66; 40, с. 299].

Рисунок 4. Чертеж С. Ремезова «Река Иртыш. Глава 29».
Деталь: «мыс Саусканской»

Ялуторовская слобода основана «в 167 (1658—59 — И.Б) году» не на чудском городище, а где был «старый Татарской Ялутур городок», куда хан «Кучум со своими кочевьями доходил иногда», после бегства в Ишимские степи [27, с. 232]. Помеченный изографом черным «мальтийским» крестом некрополь на краю террасы у городища при «с. Евлуторка» (Рис. 5) [38, л. 18] — была астана, культ которой через 25 лет вобрал и его. Так, в «межевой книге» 1681 г. при Ялуторовской слободе было отмечено «Астаня городище» [13, с. 33].

Это случилось и с Искер астана → Искером. Куда «татары окрестных юрт через 3 или 4 года в середине лета постоянно стекались в торжественном виде совершать поминовения по Кучуму», — писал П.А. Словцов в 1826 году. Она там простоит, сакрально поглотив городище Искер, по показанию М. Знаменского, до «29 мая 1881 года», когда сгорит в лесном пожаре. С той поры традиция ее почитания «начинает постепенно угасать и полностью исчезает, вероятно, ко второй половине XX в.» [9, с. 182—183; 10, с. 19—20].

что это не так: мотивировка проста и прямолинейна. Тут я столкнулся с тем, о чем предупреждают авторы статьи «Соблазны культа святых»: «...сам культ святых искусственно выносится за рамки истории» [1, с. 9]. Но, с кем из святых местные татары реально связывают эту *астану*? — напишу в другой раз.

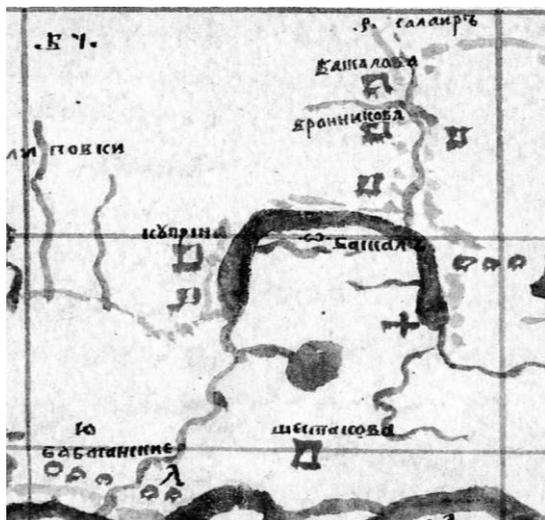

Рисунок 7. Чертеж С. Ремезова «Река Тобол. Глава 19».
Деталь: «ю. Бабасанские»

А пока обратим внимание на такую топографическую частность: *астана* — «кладбище» при «оз. Байкал» (Рис. 7) Ремезов пометил крестом около юрт, отмеченных кружками без их названия [38, л. 12]. Таких в XVII веке было два: «Верхние» и «Нижние Бехтеревские» [35, с. 72]. Выходит, эти — юрты *летние* «Верхние Бехтеревские». Отрывок из «Описания о сибирских народах и граней их земель» Ремезова 1697—1698 гг., которое дошло до наших дней только лишь в Черепановской летописи 1760 г., как «Второе описание Ремезово», уточнит:

«...егда Тайбуга показал заслуги своей верности хану Чингису и по даровании от него вольности, пошел Тайбуга со своим родом и построил город на Липовом яру по просьбе жены своей, понеже ей на оной горе поглянулось то хорошее место, и назвали оной город Яшил-тура, ныне там во близости находятся Бехтеревские юрты (подчеркнуто мной — И.Б.) зимние [25, с. 16; 21, с. 228; 22, с. 501].

На самом деле эта *астана* в соответствии с топографическими реалиями дня сегодняшнего расположена на мысу речки Бабасан, вытекающей из оз. Бабасанское и впадающей в р. Тобол. На чертеже «*Река Тобол. Глава 19*» /Л. 12/ «оз. Бабасанское» показано дальше и ниже по Тоболу (на месте нынешнего оз. Озерное), но в реальности оно правее и почти примыкает к оз. Байкал, имея вид старицы (Ср.: Рис. 7 и 8). Для удобства сравнения с чертежом — Ремезов обычно чертежи ориентировал на юг [11, с. 149], рис. 9 дан тут в перевернутом виде.

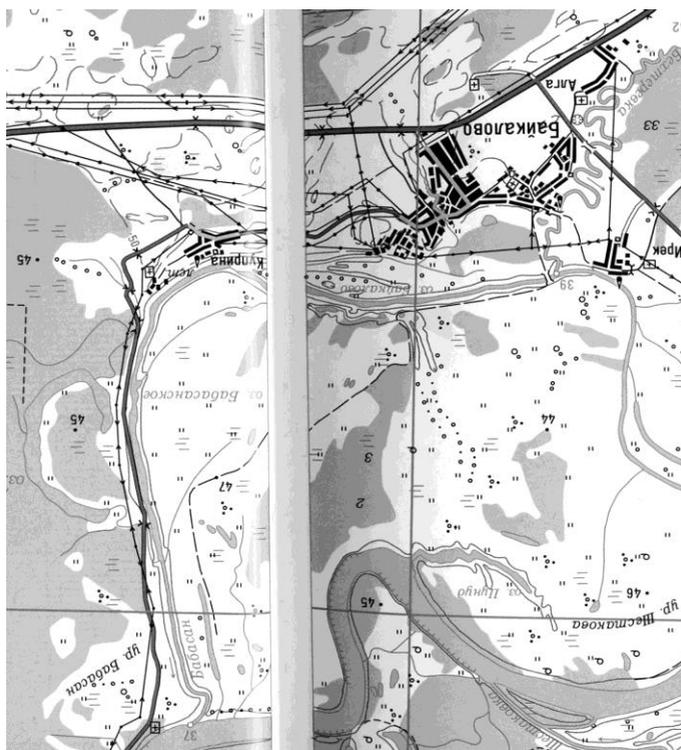

Рисунок 8. Озера Байкал и Бабасанское на карте автодорог юга Тюменской обл. 1:100 000

С неких пор жители с. Байкалово и окрестных селений стали называть эту речку «Салаирка». Но на чертеже «*р. Салаир*» — не вытекает из «озера Байкал», а впадает в него. За *астаной* — «захоронения», как это видно на космоснимке (Рис. 9), стояли старые

Бабасанские зимние юрты, сохранилось лишь кладбище. Были там и летние юрты Бабасанские, но о них местные жители уже не помнят.

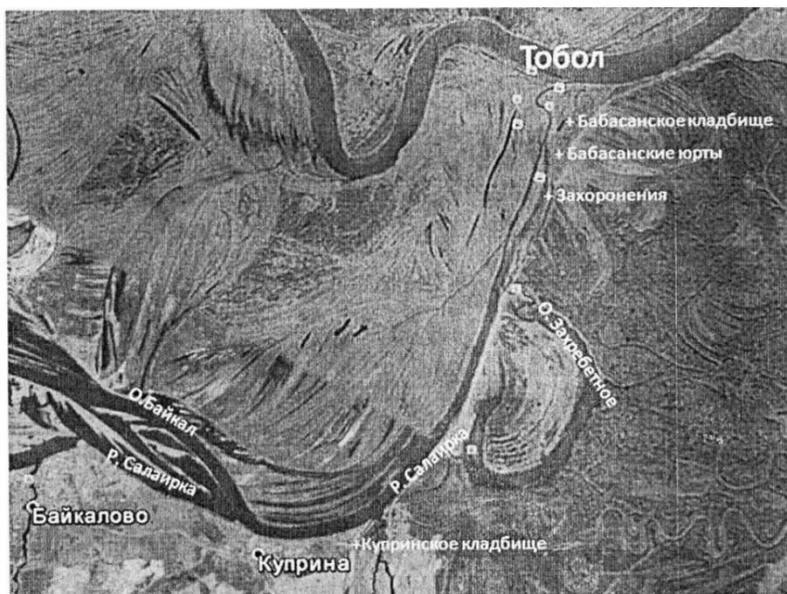

Рисунок 9. Вид на окрестности с. Байкалово и «урочище Бабасаны» по космоснимку

Впрочем, в «Подпись херогафии» Ремезов изложил топографию подробно:

«...лес с кустами до усть Байкальского истоку верст с десять, [от] устья с пол версты под бором при болоте Бабасанские юрты зимние. А вверх по Байкальскому истоку до усть Байкалу... на увале вверх на леве деревня Куприна, и вверх по озеру на том же увале на усть малой речки Солаира деревня Бронникова версты с две... А повыше их по леву к вершине озера краи ельнику летние Бехерские юрты... От усть Байкальского истоку вверх по левую Тобола [стороне], минуя Худякову деревню..., по обе стороны летние и зимние юрты Бабасанские Тобола» [38, л. 11 об; 39, с. 50—51].

Там, где красным крестом и надписью «кладбище» изограф отметил мыс напротив юрт «Турбинские», расположен старинный некрополь. На чертеже над пометой «кладбище» он поставил знак «Д», а под крестом — «М». Второй из них в его «Знаменях» значит «мыс», первый — «дол» [38, л. 9; 79]. Иначе «нижний край» мыса. Некрополь

(Рис. 10) занимает ровно склон края мыса снизу. Какая потрясающая топографическая точность! Хотя таковая не всегда имела место.

Рисунок 10. Чертеж С. Ремезова «Река Тобол. Глава 19».
Деталь: «ю. Турбинские»

На этом «кладбище» — астана уже забыта, но последний наставник суфиев сибирских татар *Халил-ишан* (1864—1931) вместе с женами, Зарифой и Ханифой обрел последний приют именно тут. Теперь на его могилу «приезжают люди отовсюду даже из Дагестана», — поведала нам в 2011 г. внучка *ишана*, *Амина Халилова* (1924 г.р.), находя нынешнюю славу *Халил-ишана* как «последнего великого суфия Сибири», скажем, «несколько преувеличенной» [17, с. 79].

Но надо еще разобраться с их расположением. Юрты стоят на «р. Турба» как и при Ремезове: «с устья на правом берегу Турбинские юрты». А тех, что стояли «от устья Турбы вверх протокою до верхново конца с полверсты юрты летние Турбинские» юрт — нет. Но они есть на чертеже «Река Тобол. Глава 19», хотя сезонность первых не указана [38, л. 11 об, 12; 39, с. 50]. Сначала не думал, что

это могли быть *зимние* юрты, т. к. их нахождение в заливаемой в половодье пойме Турбы противоречит сложившейся в XVI—XVII вв. традиции [20, с. 20].

Поэтому Турбинские *зимние* юрты в XVI — середине XVII вв., казалось, могли быть на «Долгом яру» в глубине. Так же, как и русская «Турбинская большая деревня по обе стороны Турбы», что помечена там же [38, л. 11 об, 12; 39, с. 50] (Рис. 10). Это можно было бы доказать на изложенных примерах. Так, «От усть Байкальского истоку» по «Подпись херогафии», находились «по обе стороны летние и зимние юрты Бабасанские Тобола». Короче, на Тоболе юрты *зимние* были на высокой стороне берега, «л [етние]» — более отлогом его крае: типа «истока» (у Ремезова), точнее — устья речки Бабасан / Салаирка.

И на чертеж ситуацию высмотрел иначе. Правый берег р. Тобола обычно «высокой» — спору нет. Но там, где с него впадают в Тобол р. Бабасан, Турба он более отлогий, хотя не настолько, чтобы его ежегодно заливало водой. Этот берег «с устья на правом берегу Турбинские юрты», прорисованный на чертеже желтой линией, очерчивал возвышенную его береговую линию. Там, где «от устья Турбы вверх протокою до верхново конца с полверсты юрты *летние* Турбинские» были, он прерывался низиной. Значит, *зимние* юрты Турбинские стояли там, где их поместил изограф, а не на «Долгом яру». Это подтверждается и в «Путешествие от Тобольска до Тюмени» Миллера 1741 г.:

«Турбинские юрты, по-татарски Turba-aul, на левом берегу речки Турба (у Ремезова: на правом — *И.Б.*), в ½ версты от устья. Имеет 45 дворов, при которых... зимой имеется *почтовая станция*. От Тобольска досюда насчитывают по летнему пути 55 верст, а по зимнему пути — 44 версты» Миллер прибыл сюда в ночь на 21 марта «и продолжил путешествие по восточной (правой — *И.Б.*) стороне р. Тобола. Жители деревни сказали о двух русских деревнях, расположенных выше них на речке Турбе, а именно: Дер. Турбинская в 3 верстах от Турбинских юрт и дер. Бобова, в 22 верстах от предыдущей, в 5 верстах от истока Турбы из озера Kail-kul; обе на правой стороне речки» [29, с. 291].

Все эти селения даны на чертеже Ремезова (Рис. 10). Почему я вынужден ломать голову с местонахождением татарских и русских селений Турбинского узла конца XVII в. — 1741 г.? Да потому что в публикациях и диссертациях тюменских филологов об этом повторяется одна и та же *неподтвержденная* информация, если

не заведомо неверная. Причем *источник* обычно *не указан* и «кочует» она из одной работы в другую лет 15 [4, с. 60—61; 32, с. 42; 5, с. 44—45].

Эти сведения появились в труде Х.Ч. Алишиной: *«Раньше Турбинские находились на месте д. Худяково. По Указу Екатерины II татарские деревни, стоящие на тракту, было велено переселить. Так Торбо /неоф./ оказалась на новом месте»*. Тут информаторы хоть названы [3, с. 179]. Эта информация не только *неподтвержденная* — даже соавторами Х.Ч. Алишиной не проверялась, но и *недостоверная*. Приведу в доказательство отрывок рассказа *Хабибуллиной Айниш*, 91-летней тогда коренной обитательницы аула Тоболтуры, записанный мной в 1997 г., который изложу в переводе и литературной обработке.

По ее словам, верных сведений о возникновении Тоболтуринских юрт не сохранилось: «Все знающие люди давно на «том свете» — *«теге доңья»*. Я мало что помню, местами». Так, об основателе Тоболтуры: «Говорили, что был такой *Багиш-батыр*, или *Баки Мухаммад*. Будто-бы он пришел сюда из Монголии и основал город Тобол-тура. Жил тут и правил долго коротко ли, пока по Тоболу не приплыл Ермак. *Торбо-авыл* тоже он основал дальше под яром за речкой — там забор на рыбу ставили. Эти юрты — 5 домов до сих пор стоят на том самом месте, и было это в стародавние времена — *«пурын-пурын саманда»*. Все»¹⁰.

Конечно, не все подвижники ислама, снискавшие почтение при жизни, как те *сеиды* или *ходжи* Саусканских юрт, что описал И. Юшков в 1861 г., едва ли чтились по смерти. Кто те святые, что лежат на названных *астана*, известно по полевым записям автора 1970—1990-х гг. Но верифицировать эти данные часто крайне сложно, часом — едва ли возможно [7, с. 70—73; 10, с. 15—23; 13, с. 32—33].

Итак, сравнительный анализ ряда чертежей из «Хорографической книги» с иными синхронными источниками, данными исторической литературы, а также полевых материалов автора, позволил, во-первых, воссоздать местоположение некоторых известных селений сибирских татар и некрополей, фиксируемых с конца XVI—XVII вв. Большинство из них располагались, а отдельные до сих пор находятся там, где и были обозначены С. Ремезовым. Во-вторых, помеченные изографом красным крестом такие могильники как *«кладбище Она царя»*, *«мыс Саусканской»*, против юрт *«Турбинские»* и др.,

¹⁰ Полевой дневник автора, июль 1997 г. Аул Тоболтура. А. Хабибуллина, 1906 г.р.

являлись древними некрополями и при исламизации татар региона к ним были приурочены *астана* — могилы мусульманских святых, культ которых кое-где бытует и сегодня. В этом плане, очевидно, следует рассматривать и «кладбище *Ермаково*», а первоначальный тезис С.В. Бахрушина о том, что «*святая могила*» на «*Башиевском кладбище*» со временем «*была приурочена к имени Ермака*» — признать более достоверным.

Список литературы:

1. Абашин С.Н., Бобровников В.О. Соблазны культа святых // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. — М.: Вост. лит., 2003. — С. 3—17.
2. Адамов А.А., Турова Н.П. Результаты археологических исследований по поиску могилы Ермака у юрт Бегишевских Вагайского района Тюменской обл. // «Тобольск научный-2014». Тобольск, 2014. — С. 281—282.
3. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. Тюмень, 1999. Ч. 1. — 240 с.
4. Алишина Х.Ч., Ниязова Г.М. Названия селения сибирских татар (на материале Тюменской области). Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004. — 198 с.
5. Алишина Х.Ч., Калгаманова З.М. Тюркская топонимия юга Тюменской области. Тюмень: «Печатник», 2012. — 170 с.
6. Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // — М.: Исторические известия. № 3-4. 1916. — С. 3—28.
7. Белич И. Ханское кладбище // Сибирская столица: Альманах Тобольского музея-заповедника. № 1. Тобольск, 1997. — С. 55—73.
8. Белич И.В. «Всемирная сказка» в фольклоре сибирских татар // Этнографо-археологические комплексы. Т. 8. Омск: ИД Наука, 2004. — С. 63—96.
9. Белич И.В. Искер: из «сакральной» истории памятника сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. — С. 180—184.
10. Белич И.В. Астана сибирских татар // Исламская цивилизация в Сибири: история, традиция, современность. Тобольск, 2006. — С. 14—23.
11. Белич И.В. Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вест. археолог, антропол. и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). — С. 141—155.
12. Белич И.В. Жемчужина русской картографии» в ореоле загадочности // Первые «Чукмалдинские чтения». Тюмень: Мандрика и К^а, 2010. — С. 82—90.
13. Белич И.В. К проблеме изучения феномена астана в Западной Сибири // XIII Сулеймановские чтения. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2010. — С. 32—34.
14. Белич И.В. «План» землемера 1806 г., или о том, как он выдал желаемое за действительное // Историческая судьба Искера. Тобольск, 2015 (в печати).

15. Белич И.В. Особенности ислама у сибирских татар: культ святых // История татар с древнейших времен. Т. IV. Казань: ИИ АН РТ, 2015 (в печати).
16. Белич И.В. К вопросу о местонахождении могилы Ермака: «Бегишево /Баишево / кладбище или Бегишев погост»? // Евразийский союз ученых. № 7. 2015 (в печати).
17. Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. — М.: ИД Марджани, 2013. — 264 с.
18. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. — 370 с.
19. Вотчины Тобольского Софийского Дома в XVII в. Тюмень, 2001. — 88 с.
20. Гаркуша М.А. Культура коренного населения бассейна р. Тары в XVI—XVIII вв. в памятниках археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. — 24 с.
21. Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской. Магадан: кн. изд-во, 1990. — 391 с.
22. Гольденберг Л.А. С.У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII — начала XVIII в.: Дис. ... док. ист. наук // Хрографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Исследование. Текст. Тобольск, 2011. — С. 285—691.
23. Дневник экспедиции В.В. Храмовой в 1949 г. // Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2, № 30.
24. Исламский энциклопедический словарь. — М.: «Ансар», 2007. — 400 с.
25. Летопись Сибирская. Тобольского ямщика И. Черепанова. 1760 / Список с рукописи, принадлежавшей Тобольской духовной семинарии / Рукопись XIX в. Фонд рукописей библиотеки Тобольского музея. ТМ кп 12531. — 462 с.
26. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Кн. 1. СПб., 1750. — 490 с.
27. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. — М.; — Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 608 с.
28. Миллер Г.Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Миллера. История Сибири. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. Сер. «История Сибири. Первоисточники». Вып. VI. — 310 с.
29. Миллер Г.Ф. Путешествие от Тобольска до Тюмени. 1741 г. // Там же. — С. 290—297.
30. Ниязова Г.М. Типы и структура ойконимов сибирских татар (на материале Тюменской области): Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. — 234 л.
31. Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке // Сибирские огни. № 12. 1981. — С. 125—133.
32. Сайдимова Э.Р. Именник тобольских татар мусульманского происхождения: Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006. — 195 с.
33. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. — М.: ИД Марджани, 2009. — 216 с.
34. Сибирские летописи. СПб., 1907. — 420.

35. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск: ТГУ, 1981. — 276 с.
36. Тримингэм Дж.С. Суфийские ордена в исламе. — М.: Вост. лит., 1989. — 328 с.
37. Фиалков Д.Н. О месте гибели и захоронении Ермака // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965. — С. 278—282.
38. Хорографическая чертежная книга Сибири. Факсимильное издание рукописи. Верона: Тип. “GRAFICHE STELLA”, 2011. — 172 л.
39. Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Исследование. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания. Тобольск, 2011. — 692 с.
40. Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 37. Ч. II. — С. 295—300.

3.3. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ

Зуева Нелли Сергеевна

*аспирант кафедры истории России
Московского педагогического государственного университета,
РФ, г. Москва
E-mail: nellyserg@yandex.ru*

SOVIET HISTORICAL SCIENCE ABOUT THE RESETTLEMENT TO THE FAR EAST IN THE YEARS OF STOLYPIN'S REFORMS

Nelly Zueva

*post-Graduate Student, Russian History Department,
Moscow State Pedagogical University,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует советский этап историографии переселения на Дальний Восток в эпоху столыпинских реформ. Первый период (1920—1940 гг.) характеризуется отсутствием фундаментальных работ. В 1950 — начале 1990-х гг. расширяется проблематика исследований. Анализ работ указывает на преимущественное внимание учёных к переселению в сибирские губернии. Переселению на Дальний Восток в годы реформ П.А. Столыпина посвящены две диссертации, ряд статей и отдельные главы монографий по дальневосточной тематике.

ABSTRACT

The author analyzes Soviet stage of historiography of the resettlement to the Far East in the epoch of Stolypin's reforms. The first period (1920—1940) is characterized by absence of fundamental works. In the 1950 — the beginning of the 1990th the problems of the researches

were expanded. The carried out analysis of the works shows, that scientists paid attention mainly to the resettlement to the Siberian provinces. Two theses, the number of articles and some chapters of monographs on Far Eastern themes were devoted to the resettlement to the Far East in the years of Stolypin's reforms.

Ключевые слова: историография; столыпинские реформы; переселение на Дальний Восток.

Keywords: historiography; Stolypin's reforms; resettlement to the Far East.

В историографии переселенческого движения принято выделять три основных этапа (дореволюционный, советский и современный), каждый из которых важен для её научного осмысления. В настоящей статье мы охарактеризуем советский этап исследования данной проблемы. Его анализ необходимо начать с обращения к трудам В.И. Ленина, в том числе и специально посвящённым проблемам переселения, которые оказали большое влияние на советскую историческую науку. В.И. Ленин дал резко отрицательную оценку переселенческой политике кабинета П.А. Столыпина и указал на провал правительственного курса [24; 25; 26].

Исследователем Н.А. Якименко было установлено, что в 1920-е гг. авторов преимущественно интересовал количественный состав переселенцев. Вместе с тем в этот период предпринимались попытки проследить развитие переселенческой политики царской России. Так, например, Н.Н. Жемчужников, уделив основное внимание Туркестану и киргизскому населению, рассмотрел «законодательную и сметную» политику правительства и Государственной думы, организацию отдельных сторон переселенческого дела [12].

Интерес исследователей был связан и с дальневосточной окраиной. А.Г. Коровин в «Очерке заселения Приморья» изложил историю заселения от принудительной колонизации конца 1850-х гг. до переселенческого движения начала XX в. Он назвал ряд законодательных актов, регулировавших различные стороны переселенческого дела, рассказал об усиленном движении в область в 1907 г. и неподготовленности к нему местной переселенческой администрации, привёл данные о прямом и обратном движении и выданных ссудах по годам [19].

В это же время была предложена периодизация колонизационного процесса на Дальнем Востоке. Л. Чарнецкий остановился только на колонизации Приморской области и выделил 3 главных

периода: 1) с момента присоединения края; 2) с организации перевозки переселенцев морем; 3) с направления движения по железной дороге. Он писал о характере колонизационных мероприятий, размере землепользования, расходах на колонизацию [40].

А.П. Георгиевский на основе архивных документов описал историю заселения Дальнего Востока. Он выделил этапы колонизации обеих дальневосточных областей с указанием лидировавшей области в то или иное время: 1) в 1858—1882 гг. преимущественно в Амурскую область и Забайкалье; 2) в 1883—1899 гг. с большим уклоном в Приморскую область; 3) в 1900—1917 гг. с преобладанием в Приморье [9, с. 69]. А.П. Георгиевский перечислил «разнообразные пути», которыми шло заселение Дальнего Востока: вынужденное движение старообрядцев, сектантов и представителей других религиозных обществ; ссылка; распространение казачества; отбывание воинской повинности (солдаты по окончании службы оставались на Дальнем Востоке и обзаводились хозяйством); широкая правительственная колонизация [9, с. 15]. В выводах автор сгруппировал перечисленные пути в два основных: принудительное заселение края и массовое заселение вольными переселенцами. Он отметил места выхода переселенцев и местности дальневосточных областей, в которых они селились.

Названными авторами выявлялись и недостатки в организации переселенческого дела. Например, А.П. Георгиевский отмечал слабый учёт (или его отсутствие) хозяйственного признака, слабость организации, «ничтожные» итоговые цифры переселившихся. Л. Чарнецкий пришёл к выводу, что колонизация носила выборочный, не плановый характер, производилась в большей степени механически, при отсутствии сведений о естественно-исторических условиях края.

Отдельные аспекты переселения затронуты в работах, посвящённых характеристике Дальнего Востока [2; 11; 22; 28; 39]. В этот период наблюдается стремление привлечь внимание к его проблемам, описать различные стороны жизни областей, в том числе в связи с предстоящими планами по колонизации региона. Многие авторы писали о «перспективах для будущего», в целом не отвергая земледельческую колонизацию, обращали внимание на богатства Дальнего Востока и необходимость развития промышленной колонизации (П.Я. Дербер и М.Л. Шер, например, писали о необходимости промышленно-земледельческой колонизации).

В 1924 г. в «Трудах государственного колонизационного научно-исследовательского института» вышла большая статья профессора П.А. Кобозева «Колонизация Дальнего Востока». Он рассмотрел

древнейшую колонизацию края, «колонизации царизма», охарактеризовал «современное положение» и задачи сельского хозяйства Дальнего Востока, его сельскохозяйственный колонизационный фонд, а также определил перспективы промысловой колонизации. П.А. Кобозев пришёл к выводу о «величайшем контрасте» на Дальнем Востоке «между производственными мировыми возможностями и их жалким местным использованием». По его мнению, этот контраст будет изжит, но он «показывает на колоссальную политическую остроту и ненормальность положения Дальнего Востока, создавшуюся в результате авантюры царизма, не щадившего миллиардных затрат на оккупацию и подъём богатств Маньчжурии, но забросившего Дальний Восток <>» [18, с. 266]. Отдалённое будущее Дальнего Востока П.А. Кобозев не связывал с сельским хозяйством, но считал, что в ближайшем пятилетии перспективы промысловой колонизации уже, чем сельскохозяйственной.

О предстоящих задачах писал в 1920-е гг. и Н.П. Огановский, указывая на необходимость установить, к какому хозяйственному типу принадлежит «по своим природным и экономическим условиям» тот или иной район. Рассматривая переселенческое движение начала XX в., он обратил внимание, что правительство стремилось привлечь на Дальний Восток как земледельцев, так и рабочих. По его мнению, «попытки русифицировать рабочий элемент края увенчались известным успехом, по крайней мере, в казённых предприятиях», чего нельзя сказать относительно земледельческой колонизации [29, с. 86]. Однако если в дальнейшем советские исследователи, анализируя итоги переселенческой политики, будут ссылаться на известную мысль В.И. Ленина, что колонизационный фонд может быть непригодным «не столько в силу *природных* свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие *общественных* свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность» [23, с. 229], то в этот период Н.П. Огановский главной причиной неудач называет именно неблагоприятные природные условия (контрасты климата и заболоченность края, требующего дорогостоящих мелиоративных работ).

В работах С.М. Дубровского (Л., 1925; 2-изд. — М., 1930), Н. Карпова (Л., 1925), посвящённых аграрной тематике, вопросы переселения не получили обстоятельного освещения. В книге П.Н. Ефремова (М., 1941) «переселенческой политике царизма» отведена одна глава.

В 1920—1940-е гг. переселенческая проблематика не играла весомой роли в научном поиске. Исследователей интересовала либо история заселения края в целом, либо отдельные стороны переселенческого движения (количественный состав), либо опыт дореволюционной России в связи предстоящими задачами Советского государства. Крупные работы, посвящённые переселению в годы столыпинских реформ, и вовсе отсутствуют.

Начиная с 1950-х гг. учёные стали интенсивно привлекать архивные фонды, что способствовало расширению проблематики исследований.

Историки, изучающие переселенческое движение в Сибирь, большое значение придают работе В.В. Покшишевского «Заселение Сибири», имеющей историко-географическую направленность. Она посвящена Сибири, однако для нас представляет интерес выделение «специфических черт» колонизации Дальнего Востока, которые, с точки зрения автора, зависели «и от ландшафтного своеобразия края, и от его исторических судеб (сравнительно позднее вхождение в состав России, «острое» международное положение)» [34, с. 14]. Результаты исследования заселения юга Дальнего Востока с позиций исторической географии представлены В.В. Покшишевским в отдельной статье [35]. Проблемами расселения переселенцев занималась И.И. Барткова [3]. Преимущественное внимание авторы уделили расселению населения во второй половине XIX в., но некоторые примеры относятся и к рассматриваемому нами периоду, а ряд выводов зачастую носит обобщённый характер.

Важной вехой в историографии стала публикация фундаментального труда Л.Ф. Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы» [37]. На основе изучения разнообразных источников автор осветил широкий круг вопросов: переселенческую политику правительства после отмены крепостного права; её обсуждение в Государственной думе; причины и размеры переселения; перевозку переселенцев; подготовку земельного фонда; вопросы землеустройства; правительственные мероприятия по организации помощи новосёлам; положение переселенцев в Сибири; роль крестьянской колонизации в развитии сельского хозяйства Сибири, а также крестьянские волнения в Сибири. И хотя работа охватывает территории 4 сибирских губерний (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской), она представляет большой интерес для исследователей переселения и в другие районы.

В монографиях С.М. Дубровского (М., 1963) и С.М. Сидельникова (М., 1980) переселенческая политика охарактеризована в контексте аграрных преобразований в стране в начале XX в.

Проведённый анализ работ, в том числе диссертационных исследований, свидетельствует о преимущественном внимании учёных к переселению в сибирские губернии (труды Л.М. Горюшкина, Л.Ф. Склярова, В.А. Степынина, В.Г. Тюкавкина и др.). Нами обнаружены только две диссертации, посвящённые переселению на Дальний Восток в столыпинскую эпоху (М.Г. Штейна и Л.Б. Белявской).

Назвать дату защиты диссертации М.Г. Штейна представляется затруднительным (утверждена в феврале 1947 г.). М.Г. Штейн считал, что «царское самодержавие оказалось не в состоянии выполнить эту важнейшую для края задачу [имеется в виду заселение края — Н.З.]. Даже наивысший подъём переселенческой деятельности в эпоху Столыпина оказался совершенно недостаточным для удовлетворения элементарных нужд края в человеческом труде» [42, с. 111]. Вместе с тем историк отмечал, что «Столыпин в политике переселения крестьян за Урал никогда не забывал о необходимости более интенсивного заселения Дальнего Востока. И когда наметилось падение переселенческой волны, он все меры принимает к тому, чтобы особо привлечь переселенцев в дальневосточные области» [42, с. 150].

По мнению Л.Б. Белявской, «в переселенческой политике Столыпина следует видеть две стороны: положительное влияние притока переселенцев на заселение окраин и резко отрицательное воздействие всей постановки переселенческого дела на хозяйство и жизненные условия крестьян-переселенцев» [5, с. 2]. Причину этого противоречия она усматривала в антинародной политике царизма.

Различные аспекты переселенческой и аграрной проблематики в целом раскрыты в статьях Л.Б. Белявской [4; 6; 7], В.Ф. Борзунова [8], В.М. Кабузана [15; 17], Е. Муравской [27], Ю.Н. Осипова [31; 32; 33], Н.А. Якименко [43; 44]. Исследователи охарактеризовали организацию переселенческого движения, состав переселенцев, социально-экономические последствия переселения, развитие капитализма в сельском хозяйстве Дальнего Востока, реализацию столыпинской аграрной реформы на Дальнем Востоке. Н.А. Якименко и Ю.Н. Осипов внесли вклад и в изучение историографии переселений на Дальний Восток [45; 30].

Казачью и крестьянскую колонизацию Амурской области, а также социально-экономические отношения в амурской деревне изучал М.И. Старков [38]. Отметим работу Э.М. Щагина, в которой непосредственно переселенческая политика не затрагивается,

но автором исследовано социально-экономическое положение дальневосточной деревни в начале XX в. (землевладение и землепользование старожилов и новосёлов, развитие капитализма в деревне Дальнего Востока и т. д.) [41]. Анализировал эти вопросы и А.И. Крушанов [21].

Для нас представляют значительный интерес труды В.М. Кабузана [14; 16]. На основе изучения большого корпуса источников, в том числе фондов тогда ещё Центрального государственного исторического архива, В.М. Кабузан рассмотрел поэтапный процесс переселения на Дальний Восток, привёл количественные данные по десятилетиям, перечислил населённые пункты, которые были основаны переселенцами. В.М. Кабузан проследил за изменением удельного веса переселенцев Дальнего Востока. По его подсчётам, в 1883—1905 гг. на Дальний Восток переселилось 9,9 % всех проследовавших за Урал [14, с. 139]. Расчёт удельного веса переселившихся в 1906—1917 гг. в разных трудах исследователя отличается. Так, в работе «Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX в.)» он приводит цифру 8,33 % [16, с. 153], а в «Дальневосточном крае в XVII — начале XX (1640—1917)» — 7,88 % [14, с. 140]. Но он обращает внимание на то, что в отдельные годы процент прибывших на Дальний Восток несколько возрастал. Сокращение процента переселявшихся на Дальний Восток В.М. Кабузан объяснял тем, что с начала XX в. Дальний Восток стал заселяться на общих основаниях, а столыпинская реформа, по его мнению, «окончательно ликвидировала привилегированное положение Дальнего Востока как основного колонизационного района страны» [14, с. 140].

В 1990 г. вышла работа Л.Л. Рыбаковского «Население Дальнего Востока за 150 лет», в которой автором также поэтапно рассмотрена количественная сторона заселения региона в эпоху капиталистической колонизации и советский период, изучена структура населения по времени вселения и районам выхода [36] (по интересующему нас периоду автор использовал не «первичный» материал, а те сведения, которые приводились предшественниками).

Вклад в изучение освоения дальневосточной окраины внесли А.И. Алексеев и Б.Н. Морозов. Кратко рассмотрев процесс формирования территории Дальнего Востока и его населения, они уделили преимущественное внимание истории изучения региона и его экономическому развитию [1].

В исследовании региональных аспектов переселения важное значение имеют коллективные труды «Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX—XX вв.» и «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.)». В «Крестьянстве

Дальнего Востока...» авторы соответствующего раздела (Ю.Н. Осипов, О.И. Сергеев, Э.М. Щагин) остановились не только на переселенческом движении, но и в целом на ходе столыпинской аграрной реформы на Дальнем Востоке. Они отметили её половинчатый, незавершённый характер. В то же время обратили внимание на значительные изменения в сельском хозяйстве Дальнего Востока в 1906—1914 гг. (рост посевных площадей, валовых сборов зерна и т. д.). Историки указали, что области заселялись главным образом за счёт земледельческого крестьянского населения, а переселение казаков и приток извне неземледельческого населения в города имели второстепенное значение [20, с. 87]. «История Дальнего Востока СССР» является фундаментальным трудом по истории региона, основанным на разнообразных источниках [13]. Переселение на Дальний Восток в годы реформ П.А. Столыпина не стало в нём предметом специального изучения (как например, колонизация во второй половине XIX в.). Отдельные мероприятия столыпинского правительства рассмотрены в главе, посвящённой народному хозяйству Дальнего Востока в начале XX в.

Л.М. Горюшкин писал, что в исторической литературе «главное внимание уделяется земледельческому освоению, что нашло отражение в понятиях «крестьянские переселения», «земледельческая колонизация» и др. Менее изучено участие в миграциях рабочих и ремесленников <...>» [10, с. 15—16]. Мысль, высказанная применительно к Сибири, в полной мере относится и к Дальнему Востоку. Исследователями изучены различные проблемы, связанные с рабочими (состав, условия труда, рабочее движение и т. д.), но, на наш взгляд, необходимо комплексное изучение земледельческой и промышленной колонизации Дальнего Востока в эпоху столыпинских реформ. На современном этапе развития отечественной науки дальневосточная проблематика переселенческого движения выходит на первый план.

Список литературы:

1. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. — 1917 г.). — М.: Наука, 1989. 224 с.
2. Архипов Н.Б. Дальневосточный край. 2-е изд., перераб. и доп. М — Л: Гос. изд-во, 1929. 156 с., карты.
3. Барткова И.И. Формирование сельских поселений Приморья (1858—1917 гг.) // Записки Приморского филиала географического общества СССР. Т. XXV. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1966. С. 63—70.

4. Белявская Л.Б. К вопросу о социально-экономических последствиях переселенческой политики Столыпина на Дальнем Востоке // Труды Дальневосточного филиала им. В.Л. Комарова Сиб. отд. АН СССР. Сер. историческая. Т. VI. Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968. С. 63—66.
5. Белявская Л.Б. Крах переселенческой политики царизма в период столыпинской аграрной реформы на Дальнем Востоке (1906—1914 гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. Томск, 1958. 14 с.
6. Белявская Л.Б. Из истории освоения целинных земель на Дальнем Востоке в период столыпинской аграрной реформы // Томский политехнический институт им. С.М. Кирова. Научная конференция кафедр общественных наук (2; 1959). Доклады. Томск: изд-во Томского университета, 1959. С. 16—19.
7. Белявская Л.Б. Социально-экономические последствия переселенческой политики Столыпина на Дальнем Востоке // Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы секции Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» май 1960 г. — М.: изд-во АН СССР, 1962. С. 135—145.
8. Борзунов В.Ф. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве Дальнего Востока // Научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока (3; 1962; Владивосток). Доклады и сообщения. Вып. II / АН СССР Сиб. отд. Дальневосточный филиал им. В.Л. Комарова. Владивосток, 1962. С. 18—27.
9. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Заселение Дальнего Востока. Говоры. Творчество. Вып. 1. Заселение русскими Дальнего Востока и современное их распределение (в связи с говорами). Владивосток: тип. Гос. Дальневосточного ун-та. 1926. 71 с., прил.
10. Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Препринт. Новосибирск, 1989. 25 с.
11. Дербер П.Я., Шер М.Л. Очерки хозяйственной жизни Дальнего Востока. — М. — Л.: Гос. изд-во, 1927. 300 с., карта.
12. Жемчужников Н.Н. Движение на Восток. К вопросам переселения, землеустройства и колонизации. — М.: Центр. изд-во народов СССР, 1927. 144 с.
13. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.) / Отв. ред. А.И. Крушанов. — М.: Наука, 1991. 470 с.
14. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX (1640—1917). Историко-демографический очерк. — М.: Наука, 1985. 260 с.
15. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX века (1795—1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 22—38.

16. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX в.). 2-е изд., доп. Хабаровск: Хабаровское книж. изд-во, 1976. 197 с.
17. Кабузан В.М. Переселення українців у Далекосхідний край в 1850—1916 рр. // Український історичний журнал. 1971. № 2. С. 65—70.
18. Кобозев П.А. Колонизация Дальнего Востока // Труды государственного колониального научно-исследовательского института. Т. I. — М.: ГОСКОЛОНИТ, 1924. С. 213—268.
19. Коровин А.Г. Очерк заселения Приморья // Приморье. Его природа и хозяйство. Сборник статей, составленный научно-просветительной секцией Приморского губернского выставочного бюро. Ч. I. Природа. Владивосток: изд. Владивостокского отд. ГОСКНИГИ, 1923. С. 156—173.
20. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX—XX вв.: Очерки истории / Под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток: изд-во Дальневосточного университета, 1991. 416 с.
21. Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Ч. 1. Русский Дальний Восток в период империализма (1908 — март 1917 гг.). Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во. 1968. 135 с.
22. Лежнин П.Д. Дальний Восток. Богатства Приамурья и Забайкалья. Чита: тип. Забайкальского объедин. союза коопер., 1922. 472 с.
23. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 16. С. 193—413.
24. Ленин В.И. Ещё о переселенческом деле // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 23. С. 153—154.
25. Ленин В.И. Значение переселенческого дела // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 23. С. 103—109.
26. Ленин В.И. Переселенческий вопрос // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 21. С. 325—336.
27. Муравская Е. Переселение крестьян из Латвии на Дальний Восток (Амурскую область) в начале XX в. // Учёные записки Латвийского университета. Т. 168. Вопросы аграрной истории Латвии. Вып. I. Рига, 1973. С. 62—87.
28. Нересов М.Н. Экономические очерки Дальнего Востока. — М — Л.: Центр. упр. печати ВСНХ СССР. «Новая деревня», 1926. 122 с.
29. Огановский Н.П. Очерки по экономической географии СССР (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам). 2-изд., перераб. и обновл. — М.: «Новая деревня», 1924. 321 с.

30. Осипов Ю.Н. Колонизационно-переселенческая политика царизма на Дальнем Востоке в эпоху капитализма. Историография проблемы // Проблемы истории Дальнего Востока СССР (XVII—XX вв.) в отечественной литературе: Материалы XIII Дальневосточной науч. конф. по проблемам отечественной и зарубежной историографии. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 172—181.
31. Осипов Ю.Н. Крестьянская колонизация и развитие сельского хозяйства Приморской области (1906—1917 гг.) // Конференция молодых учёных Дальнего Востока (8; 1965; Владивосток). Тезисы докладов и сообщений на секции общественных наук / АН СССР Сиб. отд. Дальневосточный филиал им В.А. Комарова. Владивосток, 1965. С. 51—55.
32. Осипов Ю.Н. Столыпинское землеустройство в Приморье // Труды Дальневосточного филиала им. В.Л. Комарова Сиб. отд. АН СССР. Сер. историческая. Т. VII. История, археология и этнография Дальнего Востока. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1967. С. 82—86.
33. Осипов Ю.Н. Экономическое положение «новосёлов» в дальневосточной деревне в период империализма // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР. Т. IX. Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток, 1973. С. 170—179.
34. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Историко-географические очерки. Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1951. 208 с., карта.
35. Покшишевский В.В. К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов в южной части Дальнего Востока // Сибирский географический сборник. Т. 1. — М.: изд-во АН СССР, 1962, С. 85—95.
36. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. — М.: Наука, 1990. 168 с.
37. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. — Л.: изд-во Ленинградского университета, 1962. 588 с.
38. Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1962. 88 с.
39. Целищев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток: «Книжное дело», 1925. 132 с.
40. Чарнецкий Л. Методы и итоги прошлой колонизации Приморья и ближайшие колонизационные мероприятия в будущем // Советское Приморье. 1925. № 3. С. 10—36.
41. Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 — лето 1918 гг.). — М., 1974. 370 с.
42. Штейн М.Г. Переселенческая политика Столыпина на Дальнем Востоке. Дис. ... к.и.н. Б.М. Б.г.

43. Якименко Н.А. Организация переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток в годы столыпинской аграрной реформы (1906—1914) // Проблемы аграрной истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1979. С. 3—16.
44. Якименко Н.А. Переселенческая политика царизма и проблема заселения Камчатки в начале XX в. (1900—1916 гг.) // Проблемы аграрной истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1979. С. 17—28.
45. Якименко Н.А. Советская историография переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (1861—1917) // История СССР. 1980. № 5. С. 91—104.

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1917 ГОДУ

Нещеретов Иван Валерьевич

*аспирант Кубанского Государственного Университета,
РФ, г. Краснодар
E-mail: neshheretovi@mail.ru*

KUBAN COSSACKS AND LAND RELATIONS IN 1917

Ivan Nesheretov

*post-graduate student of Kuban State University,
Russia, Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы земельных отношений в Кубанском казачестве в 1917 году. Приводятся данные по количеству всех земель принадлежащих Кубанскому войску, а так же площади земель под угодьем и примеры сдачи земель в аренду станичными атаманами, в ходе торгов. Здесь поднимается вопрос землепользования по материалам земельной переписи 1917 г. и предложение казачьей партии по земельному устройству. Данный вопрос не утратил актуальности и в наше время. Цель работы определяется необходимостью показать механизм распоряжения землёй Кубанским казачеством.

ABSTRACT

Questions of land relations in the Kuban Cossacks in 1917 are considered in the article. The data on the number of all the land owned by Kuban army as well as the area of land under the acreage and examples

of ground lease by Stanitsas atamans during the trading is presented. The issue of land use based on materials of land census of 1917 and an offer of the Cossack party on the land organization is raised. This issue is still relevant in our time. The goal of the article is identified by the necessity to show the mechanism of land disposal by the Kuban Cossacks.

Ключевые слова: землевладение, казачество, землепользование, станица, земельная перепись, аренда, Кубанская область.

Keywords: land property; Cossacks; land use; Cossack village; land census; lease; Kuban Region.

*И тем не менее, несмотря на всю простоту и ясность в казачьей земельной идеологии можно найти много ценного и показательного как в научном отношении, так и в нашей родной Кубанью исторических событий.
Ф.А. Щербина [14, с. 57].*

Начало 1917 г. обострило политическую и экономическую обстановку в России. Назревал глубокий кризис, прежде всего связанный с колоссальными расходами на войну: и как во все времена главным материалом ценности оставалась земля. В Кубанской области из 8660 тыс. дес. земли, 6781 тыс. дес. находилось в ведение казачьего войска. Для примера возьмём Баталпашинский отдел, в котором «насчитывалось 260 тыс. жителей казаков, русских, кабардинце и др. В станице Баталпашинской проживало 60 тыс. чел., из них казаков 20 тыс. при юртовой земле в 40752 дес. [8, с. 57].

Далее рассмотрим таблицу 1.

Таблица 1.

Площадь земель Кубанской области по угодьям и категориям владений по данным учёта земель 1917 года, генеральному и специальному межеванию. Баталпашинский отдел [11, с. 34]

Название категорий владений	Десятины земли								
	Усадьбой	Пахотной	С естественного покоса	Леса и кустарники	Выгона	Невыясненные угодья	Всего удобной	Неудобной	Всего удобной и неудобной
Зем. осн. назд. наз. общ.	18272,0	285637,99	49767,0	63438,0	15613,0	3868,6	436596,59	25079,69	461676,28
„ „ „ крест...	3046,0	34938,28	7024,0	27556,1	4779,0	-	76343,38	3493,66	80837,04
„ „ „ горск...	2690,0	85303,81	41148,0	73161,0	112159,6	-	314502,46	90350,75	404853,21
Доп. над. Баталпашин. отд.	-	12781,94	2851,34	6925,0	-	-	22558,28	1260,74	23819,02
„ „ „ Лабинский. отд.	-	455,54	651,48	4564,52	-	-	5671,54	612,74	6284,28
„ „ „ Кавказский. отд.	-	-	24,72	-	-	-	24,72	5,32	30,04
„ „ „ Майкопский. отд.	-	772,0	-	16,54	-	-	788,54	412,46	1201,0
Зем. общ. купл.	-	1534,65	187,5	207,0	344,0	-	2273,15	138,06	2411,21
„ „ „ городские	-	936,0	-	14,0	-	-	950,0	3,5	953,5

„ войсковые	0,12	651,29	180,0	952,27	-	-	1783,608	69,75	1853,43
„ казённые	-	433,95	230,0	129,0	-	-	784,95	6,93	791,88
„ товарищеск	740,21	20806,72	1313,36	249,91	2863,36	-	25973,56	369,79	26343,35
„ монастырск	1,75	364,78	337,44	101,2	4,65	-	809,82	192,72	1002,54
„ церковные	-	27,0	-	-	3,0	-	30,0	0,04	30,04
„ единоличные	848,4	96633,36	33781,64	15597,57	26115,1	10,0	172986,07	5282,48	178268,55
„ общ. жл. дор.	-	-	-	-	-	-	-	516,01	516,01
Спорн. уч. между общ и каз.	-	-	12958,0	-	-	-	12958,0	-	12958,0
„ „ между общ.	-	-	1970,75	-	-	-	1970,75	-	1970,75
Всего в отделе	25598,48	541277,31	152425,23	19290,411	161921,76	3878,6	1078005,49	127794,64	1205800,13

Из представленной таблицы мы видим, что у казаков Баталпашинского отдела находилось 461676,28 дес. удобной и неудобной земли, у крестьян — 80837,04 дес. и у горцев — 404853,21 дес. По пахотной земле казаки так же превосходили крестьян и горцев — 85303,81 дес. Из приведенных данных мы видим, что основными держателями земли были казаки. Для получения дополнительных источников доходов часть общинных казачьих земель под контролем атамана станицы, сдавалась в аренду. Рассмотрим

объявление о торгах в газете «Кубанские ведомости» за 10 января 1917 г. «В Баталпашинской станице, в станичном правлении 22 января 1917 г. в 12 часов дня, будут произведены устные и запечатанные торги на отдачу в аренду участков земли. Запольный клин — 2721 дес. И удобной земли — 1467 дес., удобной и неудобной земли с горами Свистун и Сычёва, под выпас скота и сенокошение, на годичный срок с 1 марта 1917 г. по 1 марта 1918 г. Для удобств аренды земли она может поступить в аренду мелкими участками. К торгу необходим залог по одному рублю от десятины. Кондиции могут рассматриваться в станичном правлении ежедневно станичный атаман оставляет за собой право признать торги выгодными или не выгодными и в последнем случае будут назначены новые торги» [4, с. 2].

Но не всегда земли, продаваемые в аренду, были излишком в казачьей станице. Сдавались в аренду и те земли, которые шли и под посев. Свою озабоченность по этому вопросу высказали земледельцы на съезде землепользователи. Вот как это мероприятие освящалось в газете «Кубанские ведомости за 28 февраля 1917 г., в статье «К съезду землепользователей». Председателю Совета Министров, председателю Государственной думы, министру земледелия и посланы были пять телеграмм следующего содержания: «Заканчивается 17 февраля съезд Кубанских земледельцев без различия сословий единогласно решило продажу земли гибельным. Введу наступления времени весенних посевов и крайней необходимости увеличения посевной площади и отмене твёрдых цен»» [2, с. 3].

Продолжавшаяся Первая Мировая война рождала своих героев казаков. Казаков ставших георгиевскими кавалерами решила наградить земельными наделами Министерство Внутренних дел. О данном законопроекте сообщила газета «Кубанские ведомости» за 5 февраля 1917 г. «Министерство Внутренних дел разрабатывало законопроект, имеющий целью наделение землёй георгиевских кавалеров, участников происходящей великой войны. Вот законопроект, на котором без всяких споров, очевидно, сойдутся политические группы всех направлений. Наделение наших героев хотя бы небольшими, в 20—30 десятин, клочками земли несомненно послужит для них основой их материального благосостояния на всю жизнь. В настоящее время государство приобретает огромный земельный фонд, путём ликвидации земель немецких колонистов» [3, с. 1]

Война внесла свои коррективы и на Кубани. Особенно это коснулось выходцев из Австро-Венгрии, Германии и Болгарии. Рассмотрим следующий архивный документ. «Копия циркуляра комиссара Кубанской области члена государственной думы Бардижа

от 17 марта 1917 г. за № 19916. Атаманом отделов, полицмейстером городов, станичным, хуторским, волосным, сельским и аульным старшинам Кубанской области. Введу последовавшего распоряжения Временного Правительства о землевладении и землепользовании в Государстве Российском, австрийских, венгерских и германских выходцев. Предлагаю немедленно прекратить исполнение всех изданных до сего времени распоряжений и законов 2 февраля и 13 декабря 1913 г., 10, 15 июля, 15 августа, 8 сентября, 20 и 25 октября 1916 г., 28 января, 6 и 8 февраля 1917 г., отношение принудительной ликвидации земель и не движимого имущества вышеперечисленных выходцев, право приобретения ими недвижимого имущества, право аренды земель, квартир и другой недвижимости, впредь до пересмотра сих вопросов Учредительным Собранием или в установленном законодательном порядке о чем в своё время будет сделана соответствующим распоряжением».

Подписал:

Комиссар Кубанской области член Государственной Думы Бардиж [5, л. 2 об.]

Переписью 1917 года в Кубанской области было зарегистрировано 5102 населенных пункта [12, с. 55.]

Но не во всех станицах и хуторах исполнялись циркуляры по изъятию земель у выходцев из Австро-Венгрии, Германии и Болгарии. Рассмотрим следующий архивный документ.

Атаману Ейского отдела.

от 13 апреля 1917 г.

ст. Кущёвская.

Рапорт.

Во исполнение циркуляра Вашего предписания от 21 августа 1911 г. за № 20712, представляя при этом список болгарско-поданных проживающих в районе 5-го участка Ейского отдела, доношу, что все болгары, значащиеся по списку, проживают у жителей станиц и занимаются огородничеством на землях собственников по огородничеству. Все лица, болгарско-поданные христианского вероисповедания как издавна проживающих известных своей благонадёжностью. Проживает вне железных дорог. В следствие благонадёжности оных лиц желательно оставить на работах, как лиц знающих эту культуру и требующихся для местного огородного производства. Т. к. местные жители занимаются в ограниченном количестве, а из больших огородов возможно получать продукцию и для нужд армии. Болгарские поданные проживающие в районе 4-го участка Ейского отдела. Всего семь семей: в станице Новолеушковской — 1 семья

Бижера; в станице Екатериновской — 3 семьи Градинарова, Карайванова и Станкова; в станице Кисляковской — 3 семьи Пенкова, Кирцанова С.Д. и Кирцанова Е.И. [6, л. 23—24].

Далее рассмотрим таблицу 2.

Таблица 2.

Группировка крестьянских хозяйств по размерам посева по некоторым губерниям в 1916 и 1917 гг.

Губернии	% - хозяйств				
	Год переписи	Без посева	С посевом до 4 дес.	С посевом от 4 до 10 дес.	С посевом свыше 10 дес.
Ставропольская	1916	19,9	12,5	24,8	42,8
Кубанская	1917	35,7	24,3	21,4	18,6
Оренбургская	1917	10,2	26,5	36,1	27,2
Украина	1917	16,0	52,5	18,8	12,7
Полтавская	1917	14,6	35,7	34,1	15,6
Киевская	1917	12,9	73,7	13,5	1,6
Уфимская	1917	13,1	45,1	30,8	11,0
Вятская	1917	3,3	33,3	54,0	9,4
Пензенская	1917	7,7	49,8	34,3	8,2
Тульская	1917	6,5	48,7	37,8	7,0
Витебская	1917	7,4	58,8	30,4	3,4
Петроградская	1917	15,7	74,9	9,1	0,3
Костромская	1917	11,0	74,1	14,7	0,2
Вологодская	1917	8,9	72,6	8,4	0,1
Владимирская	1917	12,9	67,2	18,9	1,0
Ярославская	1917	13,9	79,0	7,1	-

Из представленной таблицы мы видим, что в Кубанской области по переписи 1917 г. без посева было 35,7 % хозяйств, с посевом до 4-х дес. — 24,3 %; с посевом от 4 до 10 дес. — 21,4 %; с посевом свыше 10 дес. — 18,6 % дес. Для сравнения возьмём Полтавскую губернию, в которой без посева было — 14,6 % хозяйств, с посевом до 4 дес. — 35,7 %; с посевом от 4 до 10 дес. — 34,1 %; с посевом свыше 20 дес. — 15,6 %. В различных отделах Кубанской области был различный посевной надел. Так в 1917 г. казаки Майкопского и Екатеринодарского отделов имели паевой надел в среднем от 5,6 да 6,3 дес., в то время как в Кавказском и Ейском отделах от 9,3 до 10,0 дес. [13, с. 158.]

Далее рассмотрим таблицу 3.

Таблица 3.

Землепользование по материалам земельной переписи 1917 г.
в Кубанской области [10, с. 31]

1	2	3	4	5	6	7	8
Трудовые хозяйства							
Количество, отведенное под пашню (дес)	2358335,4	154490,3	130826,3	470170,3	98953,2	36544,8	3249320,3
В том числе: частные	1020,6	6634,1	-	26518,1	-	-	34172,8
арендованной	151688,5	5677,1	-	152956,2	6944,0	-	317265,8
использование пашни (дес.) под посевами	1709940,9	132315,1	64364,2	399993,2	86836,6	30051,7	2423501,7
под паром	279616,1	3422,1	1407,5	23273,5	1692,1	1125,2	310536,2
под перелогом	337601,7	16810,0	64689,7	43802,9	10253,8	5177,7	478335,8
временно под водой	311176,7	1943,1	364,9	3100,7	170,7	190,2	36946,3
количество земли, отведенное для покоса (дес.)	83318,6	10561,1	47879,8	13801,6	2019,4	4039,1	161619,6

Нетрудовые хозяйства							
В том числе: частной	4348,4	22920,1	-	43642,7	-	-	70911,2
арендованной	27316,5	10265,5	-	119871,5	291,5	-	157745,0
использование пашни (дес.) под посевами	42810,1	20580,7	2066,2	169464,7	18138,8	12241,0	265301,5
количество земли отведенное под пашню	66568,8	43677,6	7252,2	264807,9	25782,0	23924,1	432012,6
под паром	7582,4	1577,9	87,5	35231,7	1262,5	564,0	46306,0
под перелогом	15667,2	20820,7	5025,5	57337,4	6132,7	10303,1	115286,6
временно под водой	509,1	698,3	73,0	2774,1	248,0	816,0	5118,5
количество земли, отведенное для покоса (дес.)	3869,6	8310,9	24128,3	9549,2	9871,0	12879,6	68608,6

Из представленные таблицы мы видим отличие трудовых хозяйств от нетрудовых хозяйств. Так количество отведенной земли под пашню в трудовых хозяйствах на 2291766,6 дес. больше, чем в нетрудовых. Земля отведенная под покос на 79449,0 дес. в трудовых хозяйствах превышает не трудовые хозяйства. По арендованной земле трудовые хозяйства на 124372,0 дес. превышали не трудовые хозяйства. Вместе с тем происходили случаи, когда у арендаторов казачьей земли самовольно захватывали участки. На подобные действия, Войсковое правительство Кубани 14 августа 1917 года обнародовала приказ, воспрещающий самовольный захват земель до решения аграрного вопроса Учредительным собранием. Однако известны случаи захвата и запашки земель у Шкуринских арендаторов и предпринимателей (около 1500 десятин) из дополни-

тельного надела Шкуринского юрта в Куго-Ейской степи (близ Куцёвской). Внутриюртовая земля, считавшаяся собственностью казачьего станичного общества, оставалась в то время нетронутой. Октябрьская революция внесла изменения в законодательство земли. На втором заседании съезд принял «Декрет о земле». Данный декрет освобождал крестьян от ежегодной уплаты аренды за землю и расходов на покупку новых земель в 700 миллионов рублей золотом. Таким образом, была осуществлена национализация земли. Земля стала общегосударственной собственностью [7, с. 309].

Далее рассмотрим, что предлагала казачья партия по земельному устройству в Кубанской области в виде переходной меры:

1. Вся земля, находящаяся на территории Кубанской области — войсковые, станичные, частновладельческие, казённые, монастырские, удельные и пр. — являются достоянием трудящегося на них народа. Все виды собственности на землю — частная, коллективная и пр. — уничтожаются.

2. Земли войскового запаса поступают в распоряжение демократически составленного земельного комитета области, при чём удобные предназначаются для передачи в пользование общин вместе с недостающим до нормы количеством земли.

3. Земли станичных обществ остаются в пользовании этих о-в на основе уравнительного трудового принципа.

4. Земли мелких собственников и товариществ остаются также в их пользовании, при чем в случае превышения нормы, излишек облегчается прогрессивным налогом с оценки земли.

5. Земли казённые, монастырские, частновладельческие, удельные, поступают так же в заведование демократически составленных земельных комитетов и предназначаются для передачи их в общинное пользование без земель иногородних на основах уравнительного трудового принципа.

6. Посаженная плата отменяется, всякий живущий в области имеет право на площадь усадебной земли из общего количества земель этого рода [15, с. 14—15].

10 ноября 1917 года был принят декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», подписанный В.И. Лениным и Я.М. Свердловым, которым упразднились все существовавшие в старой России, сословия и сословные деления граждан, сословные организации и учреждения. В первую очередь это относилось к вопросу о проведении в жизнь «Декрета о земле» [9, с. 309].

1917 г. стал переломным в развитии Кубани, был остановлен ход развития казачьих хозяйств. Институт войскового землевладения

создававшийся десятилетиями естественным путем и юридически закреплённый в Жалованных грамотах, был разрушен. Соответственно изменился и сам казачий быт в станицах и хуторах. Казачество в который раз подверглось разрушительной силе перемен охвативших Российское государство.

Список литературы:

1. Анфимов А.Н. Российская деревня в годы Первой Мировой войны (1914 февр. 1917) / — Москва: СОЦЭГГИЗ, 1962. — 383 с.
2. Государственный архив Краснодарского края. К съезду землепользователей // Кубан. вед. — 1917. — 28 февр.
3. ГАКК. Наделение героев землёй // Кубан. вед. — 1917. — 5 февр.
4. ГАКК. Объявление о торгах // Кубан. вед. — 1917. — 10 янв.
5. ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 506. Л. 2 об.
6. ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 506. Л. 23—24.
7. История Коммунистической партии Советского союза / В.Н. Пономарёв, М.С. Волин, и др. — 5-е изд., доп. — Москва: Политиздат, 1979. — 800 с.
8. Казачий словарь-справочник. В 3 т. Т. 1. Абрамов-Зибловский. — Репр. воспроизведение изд. 1966. / сост. Г.В. Губарев. — Москва: Созидание, 1992. — 286 с.
9. Куценко И.Я. Кубанское казачество / И.Я. Куценко. — 2-е изд., доп. — Краснодар: Кн. изд-во, 1993. — 583 с.
10. Матющенко П.П. Сельскохозяйственная и земельная перепись 1917 г. Как источник социально-экономической характеристики сельского населения Кубани накануне социалистической революции / П.П. Матющенко, В.Н. Ратушняк // Октябрьская революция и изменение в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917—1929 гг.): сб. науч. тр. / кол. Кубан. ун-та; редкол.: В.Е. Щетнёв и др. — Краснодар, 1984. — С. 13—42.
11. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Таблицы (к отчёту СТО Кубчероблэко на 1 апр. 1922). — Краснодар: [Б.и.], 1922. — 121 с.
12. Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа / В.Н. Ратушняк; кол. Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2000. — 233 с.
13. Щербина Ф.А. Казачья земельная идеология / Ф.А. Щербина // Кубань. — 1991. — № 1. — С. 57—60.
14. Юшко А.В. Развитие земельных отношений в Кубанской области и земельная программа казачьей партии с точки зрения партии Социал-революционеров / А.В. Юшко. — 2-е изд. — Екатеринодар: Тип. И.Н. Дицмана, 1917. — 15 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам

LI международной научно-практической конференции

№ 7 (47)
Июль 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 29.07.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,75. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3